

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ
РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

Республиканская библиотека
Тат. АССР
имени В. И. ЛЕНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ГЛАВА II

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Руническое письмо Первые попытки объяснить происхождение знаков сибирской руники относятся ко времени, предшествовавшему дешифровке орхонских памятников. Уже Г. И. Спасский, М. А. Кастрен и Г. Вамбери обратили внимание на сходство письмен приенисейских скал с родовыми знаками сибирских татар¹. Такого рода догадки были обобщены Н. А. Аристовым, который предположил, что «существовавшие с глубочайшей древности родовые тамги были позднее употреблены в качестве букв в орхоно-енисейском алфавите»². Гипотезу Н. А. Аристова поддержал Н. Г. Маллицкий³.

При дешифровке рунической письменности В. Томсен отметил близость некоторых рунических знаков буквам «семитско-пехлевийского алфавита»⁴. Позднее он вполне определенно указал на генетическую зависимость 23 из 38 рунических знаков от арамейских букв. Арамейский алфавит, переработанный и приспособленный к звуковому строю тюркского языка, пополнился также несколькими знаками неарамейского происхождения⁵. Та же гипотеза была изложена О. Доннером, выделившим как посредствующее звено между арамейским и руническим алфавитами шрифт легенд аршакидских (парфянских) монет II—III вв. н. э.⁶

Гипотеза Аристова и Маллицкого была подвергнута критике и отвергнута П. М. Мелиоранским и Д. Н. Соколовым, поддержавшими выводы Томсена и Доннера. Не исключалось, однако, что тамги могли послужить образцами для рунических

¹ Спасский, *Восточная библиография*, стр. 285—303; Vambéry, *Türkenvolk*, S. 34—36; Шифнер, *Об этнографической важности*, стр. 605.

² Аристов, *Опыт*, стр. 28—29.

³ Маллицкий, *О связи тюркских тамг*, стр. 43—47.

⁴ Thomsen, *Déchiffrement*, p. 299.

⁵ Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, pp. 49—50.

⁶ Donner, *Origine de l'alphabet turc*, pp. 21—46.

знаков, прототипы которых отсутствуют в арамейском алфавите. Более того, сами арамейские буквы приобрели известную геометричность начертаний под влиянием привычных для создателей древнетюркского алфавита форм родовых тамг⁷.

Гипотеза Томсена — Доннера не только фиксировала сходство близких по начертаниям знаков, но и указывала на определенный источник заимствования тюрками самой идеи фонетического письма, не вполне, впрочем, свободного от влияния идеографических и силлабических систем. Если о воздействии силлабических систем свидетельствует консонантный дуализм древнетюркской руники, то идеографическое происхождение нескольких знаков было установлено лишь много позднее Е. Д. Поливановым⁸. Однако слабой стороной гипотезы «арамейского источника» была ее историко-хронологическая необоснованность. Разрыв в четыре-пять столетий между последними аршакидскими монетами и первыми датированными руническими памятниками, усугубленный разрывом территориально-политическим, породил своеобразный *hogog vasu*, обусловивший появление ничем не оправданного исторического построения Е. Блоше. В одной из своих работ этот исследователь пытался доказать, что руника была заимствована тюрками через посредство жужан у гуннов, в свою очередь перенявших один из северосемитских (арамейских) алфавитов⁹. Реальный исторический фон удачной палеографической гипотезы начал проясняться лишь благодаря новым открытиям древних письменностей Центральной Азии.

В 1906 г. А. Стейн обнаружил на крайней западной оконечности Великой китайской стены, в сторожевой башне близ Дуньхуана, огромное скопление документов. Более семисот из них были написаны на китайском, остальные — на неизвестном языке, письмом, арамейское происхождение которого не вызывало сомнений. Археологические данные, так же как и даты самых поздних из найденных в башне китайских документов, изученных Э. Шаванном, казались, давали достаточные основания отнести весь архив к середине II в. н. э.¹⁰

В 1911 г. Р. Готье и А. Коули доказали, что неизвестные документы, найденные в комплексе с китайскими, написаны на согдийском языке согдийским письмом — одной из разновидностей арамейского алфавита¹¹. Согдийские документы, представляющие собой частную переписку, получили известность в

⁷ Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-тегина*, стр. 46—47; Соколов, *О башкирских тамгах*, стр. 84—86.

⁸ Поливанов, *Идеографический мотив*, стр. 177—181. Попытку идеографического объяснения всех знаков рунического алфавита предпринял Ахмет Джеват Эмре (Emre, *Menşegi*, s. 1—54)

⁹ Blochet, *Inscriptions*, pp. 356—382, 352—365.

¹⁰ Stein, *Serindia*, vol. II, pp. 672—673.

¹¹ Gauthiot, *Note*, pp. 497—507; Cowley, *Unknown language*, pp. 159—166.

литературе как «старые согдийские письма». Сразу же после атрибуции согдийского алфавита Готьо, консультировавшийся с Томсеном, пришел к выводу, что именно этот алфавит послужил моделью древнетюркского рунического письма¹². В 1922 г. Томсен подтвердил этот вывод, отметив, что между тюркским и согдийским письмом «существуют ясные и неоспоримые соответствия»¹³. Вместе с тем для Томсена оставался необъяснимым хронологический разрыв между обеими системами письменности. Датировка палеографически более архаичных енисейских и семиреченских рунических надписей VI—VII вв. породила новые гипотезы, но не давала ответа на старые вопросы¹⁴.

В 1948—1959 гг. Ф. Альтхейм, основываясь на своих предположениях относительно происхождения и ранней истории гуннов, в несколько иной форме возродил идеи Блоше¹⁵. Несостоятельность взглядов Альтхейма уже была отмечена в литературе раньше¹⁶. О другом возможном пути проникновения к тюркам согдийского алфавита и переработки его в руническое письмо говорит С. В. Киселев: «Если не подлежит сомнению арамейская основа большинства таласо-енисейских литер, проникшая на восток через Среднюю Азию, через согдийское и хорезмийское письмо, то Семиречье, связанное с Хорезмом, колонизованное в значительной части согдийцами и в то же время в VI—VII вв. занятое западными тугю, становится наиболее вероятным местом первого применения рунической письменности, приспособившей арамейский алфавит к тюркской речи»¹⁷.

Далее С. В. Киселев предполагает, что из Семиречья руническое письмо попало в Восточный Туркестан, к племени ягма, которое оставило рунические документы на бумаге; от ягма письменность заимствовали карлуки, а от них — енисейские кыргызы. Орхонские тюрки восприняли руническое письмо непосредственно у западных тюрков, но древнейшие тексты VI—VII вв. на Орхоне еще не выделены.

Если гипотеза Киселева о семиреченском центре происхождения древнетюркской руники представляется весьма интересной, то намеченный им путь передачи алфавита на восток не подтверждается приводимыми фактами. Восточнотуркестанские памятники рунического письма никак не могут быть приписаны ягма и отнесены к VI—VIII вв. Они совершенно отличны по своему дуктусу как от семиреченских, так и от енисейских над-

¹² Gauthiot, *Essai*, p. 5.

¹³ Thomsen, *Inscriptions runiques*, p. 76.

¹⁴ Ранняя датировка енисейской письменности была предложена В. Томсеном и П. М. Мелиоранским. Ту же точку зрения выдвинул и В. В. Радлов (Radloff, *Vorislamitischen Schriftarten*, pp. 835—856).

¹⁵ Altheim, *Hunnische Runen*, S. 1—31; *Geschichte der Hunnen*, Bd I, S. 268—289.

¹⁶ Maenchen-Helfen, Рец. на: Altheim *Geschichte der Hunnen*.

¹⁷ Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 604—610.

писей и твердо датируются временем не ранее середины IX в., т. е. временем массового переселения в Восточный Туркестан уйгур, сохранявших традиции рунического письма.

Предположение о семиреченском происхождении руники высказано также А. М. Щербаком, по мнению которого это письмо «по-видимому, возникло где-то в районе Таласа, в результате заимствования или преобразования какого-то другого алфавита, и распространялось оттуда в двух противоположных направлениях: на восток (орхонское, енисейское и другие виды письма) и на запад (печенежские руны)»¹⁸.

Таким образом, установлено, что сама идея буквенного письма и его образец, послуживший моделью древнетюркского рунического алфавита, заимствованы тюрками у своих западных соседей — ираноязычных народов Средней Азии, пользовавшихся алфавитами арамейского происхождения. Наиболее вероятным источником заимствования является согдийский алфавит, точнее, та разновидность согдийского письма, которой написаны «старые согдийские письма» из Дуньхуана.

В процессе приспособления к тюркскому языку согдийский алфавит претерпел существенные изменения: а) курсивное написание отдельных знаков было заменено отдельным написанием; б) под влиянием форм существовавших у тюрков родовых знаков (тамг) и идеографических символов, а также, возможно, под воздействием фактуры (камень, дерево, металл) плавные закругленные начертания согдийских букв были заменены геометризованными начертаниями; в) поскольку фонетические системы согдийского и тюркского языков различны, не все знаки согдийского алфавита были восприняты, а фонетическая символика рунических знаков не всегда совпадает с фонематической символикой сходных согдийских букв; вместе с тем рунический алфавит был обогащен новыми, отсутствующими в согдийском письме знаками, частью идеографического, частью буквенного характера.

Вопрос о месте и времени возникновения рунического письма, тесно связанный с проблемой его палеографической периодизации, остается неразрешенным. Согласно существующим представлениям, рунический алфавит пережил по меньшей мере три этапа развития, которым соответствуют три устава письма: а) архаический, широко представленный памятниками Семиречья (VI—VII вв.) и Енисея (VI—X вв.); влияние этого устава особенно заметно в Онгинской надписи; б) классический, которым исполнены многочисленные памятники второго Тюркского каганата (первая половина VIII в.); в) поздний, представленный в памятниках эпохи Уйгурского каганата (вторая половина VIII—IX в.) и в «рунах на бумаге» из Восточного

¹⁸ Щербак, *Знаки на керамике*, стр. 388.

Туркестана (IX в.)¹⁹. Некоторые реминисценции архаического начертания рунических знаков можно отметить в Суджинской надписи (середина IX в.), которая, однако, является памятником енисейского круга.

Как уже доказано, енисейские надписи не могут быть отнесены ко времени ранее VII в., а в большинстве датируются IX—X вв.²⁰. Следовательно, палеографическая архаичность не является достаточным основанием для ранней датировки надписей и может быть охарактеризована как региональный признак. Вопрос о нижней дате рунических памятников Семиречья остается, таким образом, открытым, а гипотеза о семиреченском центре возникновения рунического письма неподтвержденной²¹. Особое положение среди среднеазиатских рунических памятников занимает надпись на бронзовом перстне из комплекса погребения в «муг-хона» (Северная Фергана). Погребения в «муг-хона» (или «курумах») датируются достаточно широко (II в. до н. э. — VIII в. н. э.)²². Рунические знаки надписи на перстне близки к своим старосогдийским прототипам, что не может быть объяснено локальными особенностями — в Фергане употреблялось руническое письмо в его «классическом» варианте (конец VII — первая половина VIII в.)²³. Вероятнее всего, надпись может быть датирована концом VI—VII в.

Сведения нарративных источников о письменности у тюрков не исключают эту дату. Первое сообщение такого рода принадлежит Менандру Протектору, «История» которого была завершена в 583—584 гг.; рассказывая о приеме тюркского посольства во главе с согдийцем Маниахом византийским императором Юстином II (568 г.), Менандр упоминает послание от кагана, написанное «скифскими письменами» το γραμματὸν Σκυθικόν²⁴. Нельзя, однако, утверждать безоговорочно, что эти «скифские письмена» — рунические знаки; послание могло быть написано и по-согдийски. Использование какой-либо третьей системы письма сомнительно. Полулегендарное сообщение, сохраненное арабо-персидской традицией, о написанном по-китайски послании тюркского кагана Хосрову Ануширвану (531—579)²⁵ опровергается свидетельством китайских источников, отрицающих употребление тюрками иероглифики²⁶.

¹⁹ Ср.: Gabain, *Alt-türkisches Schrifttum*, S. 12—14.

²⁰ Кызласов, *Новая датировка*, стр. 96—103.

²¹ С. Е. Малов по внешним признакам датировал семиреченскую рунику V—VIII вв. (Малов, *Памятники Монголии и Киргизии*, стр. 57).

²² Литвинский, *Изучение курумов*, стр. 109—130.

²³ Бернштам, *Древнетюркские рунические надписи*, стр. 54—58.

²⁴ Менандр Протектор, *История*, стр. 374; Moravcsik, *Byzantinoturcica*, Bd I, S. 422. Отрывок из письма тюркского кагана императору Маврикию цитирует Феофилакт Симокатта (Феофилакт Симокатта, *История*, стр. 159).

²⁵ Drouin, *Mémoires*, pp. 50—56.

²⁶ Бичурин, *Собрание сведений*, т. I, стр. 229.

Более определенно по сравнению со сведениями западных авторов сообщение Чжоу шу: «Письмена тюрков напоминают письма народа ху (согдийцев)»²⁷. Из этого сообщения явствует, что уже во второй половине VI в. тюрки обладали самостоятельной письменностью, связь которой с письменностью согдийцев бросалась в глаза. Была ли это руническая письменность или так называемое «уйгурское» курсивное письмо?

Уйгурское письмо едва ли не до монгольского времени почти ничем не отличалось от позднего согдийского курсива, сформировавшегося лишь на рубеже VII—VIII вв.²⁸. Поэтому было бы правильным полагать, что в Чжоу шу речь идет именно о руническом письме в его наиболее раннем и наиболее близком к старому согдийскому алфавиту варианте. Близость руники именно к старому согдийскому письму уже была отмечена в литературе²⁹.

Можно предположить, что приспособление старого согдийского алфавита к тюркскому языку началось очень рано, возможно, в период обитания племени ашина (түрк) в Гаочане и других оазисах Восточного Туркестана, колонизованных согдийцами (V в.). Как теперь установлено, согдийские письма из Дуньхуана датируются не II в. н. э., а IV в.³⁰; тем самым смущавший В. Томсена хронологический разрыв между старыми согдийскими и тюркскими руническими памятниками практически исчезает. Не исключено, что процесс формирования рунического алфавита нашел завершение уже после образования каганата и после овладения тюрками Средней Азией. Однако следует оговориться, что высказанная здесь гипотеза о времени и месте возникновения рунического письма может быть доказана только открытием в Восточном Туркестане рунических памятников, ранняя дата которых не будет вызывать сомнений.

Terminus ad quem рунической письменности не столь спорен, как *terminus a quo*. Наиболее поздние рунические тексты из Монголии и Восточного Туркестана датируются серединой IX в. Есть основания полагать, что руническое письмо было известно там и в первой половине X в. В хронике династии Ляо (Ляоши) сообщается, что основатель киданьской империи Абао-цзи (Тай-цзу) во время посещения древней уйгурской столицы на Орхоне летом 924 г. приказал соскоблить надпись с каменной стелы в честь уйгурского Бильге-кагана и заменить ее надписью о своих деяниях, выполненной «киданьскими, тюркскими (туцзюэ) и китайскими письменами»³¹. «Тюркскими письменами»

²⁷ Liu Mau-tsai, I, S. 10.

²⁸ Henning, *Mitteliranisch*, S. 55; Le Coq, *Kurze Einführung*, S. 93—109.

²⁹ Gauthiot, *Essai*, p. 5; Schaeder, *Vilhelm Thomsen*, S. 94.

³⁰ Henning, *Sogdian ancient letters*, pp. 601—615.

³¹ Wittfogel and Fêng Chia-shêng, *History of Chinese society*, pp. 99, 103; ср. Bretschneider, *Mediaeval researches*, vol. I, p. 256.

ми» здесь могли быть названы только древнетюркские руны, так как уйгурский курсив назван «письменами хой-ху» («уйгурские письмена»).

И. Маркварт, сомневавшийся в достоверности этого сообщения, полагал, что в X в. употребление рунического алфавита маловероятно³². Отметим, однако, что вплоть до середины X в. тюркские племена — носители традиций рунической письменности — упоминаются в китайских источниках, что позволяет отнести к сообщению Ляоши с большим доверием. Никаких достоверных данных о бытовании в Центральной Азии рунического письма позднее X в. нет. Однако есть все основания полагать, что к концу X в. оно было полностью вытеснено уйгурским курсивом³³. Лишь на Енисее, куда не проникло уйгурское письмо, возможно, руника еще была в употреблении и в XII в.³⁴. Опубликованная в 1956 г. древнетюркская руническая надпись с именем Чингис-хана³⁵ является современной подделкой и не может быть использована в качестве аргумента при определении верхней границы существования рунического письма в Центральной Азии³⁶. Своеобразный вариант рунического письма пережиточно сохранился в X—XI вв. у некоторых тюркоязычных племен Восточной Европы, возможно, послужив моделью древневенгерского письма (так называемые «древневенгерские резы»), памятник которого был впервые найден в Константинополе и описан как *litterae incognitae* немецким путешественником Г. Дерншвамом (1494—1569)³⁷.

**Памятники
древнетюркской
рунической
письменности
и их классификация**

В. В. Радлов, которому принадлежит первая классификация древнетюркских языков Центральной Азии, объединил в одной диалектной группе все тексты, написанные руническим шрифтом. Эту группу он обозначил как «северный диалект» древнетюркского языка или «язык тюрков-сиров» в отличие от «южного диалекта» — «уйгурского языка». Третьим диалектом В. В. Радлов считал язык мани-

³² Marquart, *Giwaini's Bericht*, S. 499. Более поздним временем (XI—XII вв.) пытался датировать рунический колофон одной из уйгурских рукописей В. Банг (Bang, Gabain, Rachmati, *Türkische Turfan-Texte*, S. 97). Однако сам он отметил, что чтение колофона крайне сомнительно. Следовательно, датировку, предлагаемую им по одному фонетическому наблюдению, также нельзя считать обоснованной. Другие попытки чтения этой надписи см. у М. Рясанена и А. М. Бернштама (Räsänen, *Zu dem Runenschriftintrag*, S. 1—2; Бернштам, *Руническая надпись*, стр. 303—305).

³³ Проникновение уйгурского курсива также и в лапидарную графику засвидетельствовано Уланкомской стелой, открытой монгольскими археологами в 1955 г. (Доржсурен, *Изучение*, вклейка к стр. 13; Щербак, *Надпись*, стр. 23—25; Кляшторный, *Уланкомская надпись*, стр. 26—28).

³⁴ Кызласов, *Новая датировка*, стр. 118.

³⁵ Лувсандэндэв, *Шинээр олдсон*, стр. 1—7.

³⁶ Кляшторный, *О подлинности древнетюркской надписи*, стр. 173—175.

³⁷ Babinger, *Hans Dernschwams Tagebuch*.

хейских и некоторых буддийских текстов, в котором нашли отражение особенности северного и южного диалектов — «смешанный диалект»³⁸.

Тезис В. В. Радлова о языковом единстве текстов, написанных руническим письмом, воспринят и современными исследователями. «Общим, стандартным, эпитафийно-руническим» языком называл язык древней тюркской письменности С. Е. Малов³⁹. Характерным в этом отношении является мнение И. А. Батманова, который отмечает, что язык енисейских и орхонских памятников «носил межплеменной характер»⁴⁰.

Речь идет, таким образом, о едином литературном древнетюркском языке, распространенном в VII—X вв. на территории Монголии, Южной Сибири и Семиречья (основная территория Тюркского каганата) и связанном с определенной системой письма. Возможно предположить, что в основе этого языка лежал племенной диалект ашина (түрк), превратившийся в государственный язык Тюркского каганата и сохранивший значение своего рода литературного койнэ в течение известного времени после падения государства орхонских тюрков.

В литературном и историографическом отношении рунические памятники не столь едины, как в отношении языка и шрифта. Наиболее существенной для историографического изучения руники является классификация памятников по их региональной, историко-политической (этнической) и жанровой принадлежности.

Несмотря на огромную территорию распространения (от Орхона до Дуная, от Якутии до Гоби), известные к настоящему времени памятники группируются в сравнительно ограниченных районах — культурно-политических центрах древнетюркских племенных объединений; по региональному признаку могут быть выделены следующие семь групп памятников.

1. Памятники Северной Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. К этой группе относятся крупнейшие из известных рунических текстов — памятники в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (Кошо-цайдамские стелы), памятник Тоньюкука, Онгинская надпись, памятник в честь Кули-чура, Селенгинский камень, Карабалгасунская надпись, Суджинская надпись, а также 10 надписей Хойто-Тамира, две надписи Ихе-Асхете, Кентейская надпись, мелкие надписи с Хангая и из Гоби. Обычно эту группу надписей называют «орхонскими памятниками».

³⁸ Radloff, *Alttürkische Studien*, p. 430.

³⁹ Малов, *Енисейская письменность*, стр. 7.

⁴⁰ Батманов, *Язык енисейских памятников*, стр. 124; ср. Баскаков, *Тюркские языки*, стр. 189—190; Насилов, *Язык орхоно-енисейских памятников*, стр. 7; Gabain, *Alttürkische*, S. 22—23.

2. Памятники долины Енисея возможно разделить на две подгруппы — *тувинскую* и *минусинскую*, — к которым относится более 70 открытых к настоящему времени надписей на намогильных камнях, скалах, золотых и серебряных сосудах, монетах.

3. Ленско-Прибайкальская группа памятников насчитывает 37 кратких надписей на скалах, чтение которых крайне затруднительно, и несколько надписей на мелких бытовых предметах (пряслица, альчики). Число наскальных надписей может быть увеличено, если считать за руническое письмо руноподобные знаки, зарегистрированные во многих пунктах Прибайкалья и верхнего течения р. Лены.

4. Алтайские памятники весьма немногочисленны — пока известна лишь одна наскальная надпись из долины р. Чарыш (север Алтая) и несколько надписей на серебряных сосудах, найденных в захоронениях.

5. Памятники Восточного Туркестана включают четыре надписи на стене древней постройки в Турфане и несколько крупных текстов на бумаге из Мирана и Дуньхуана.

6. Среднеазиатская группа памятников может быть разделена на две подгруппы — *семиреченскую*, к которой относятся надписи на намогильных камнях (пять надписей из долины Таласа), монетах, бытовых предметах и деревянной палочке, и *ферганскую*, состоящую из нескольких кратких надписей на керамике и металле. Особое положение в ряду среднеазиатских памятников занимает документ на коже из архива г. Муг. Несмотря на имеющуюся попытку его чтения, тюркская языковая принадлежность текста оспаривается⁴¹.

7. Памятники Восточной Европы также возможно разделить на две подгруппы: *донецкую*, к которой следует отнести надписи на двух баклажках из Новочеркасска, знаки Маяцкого городища, знаки на кирпичах из Саркела, и *дунайскую*, к которой принадлежат надписи на серебряных сосудах из Надь-Сен Миклош и некоторые мелкие надписи на металле. Исследованы А. М. Щербаком руноподобные знаки, открытые на Северном Кавказе⁴².

Если согласиться с трактовкой Э. В. Шавкунова, опубликовавшего как памятник рунического письма небольшую надпись на гальке (11 знаков), найденную близ г. Уссурийска, следовало бы выделить новую дальневосточную провинцию рунической письменности⁴³. Однако возможность чтения Уссурийской надписи как памятника рунического письма кажется нам сомнительной.

⁴¹ Бернштам, *Древнетюркский документ из Согда*, стр. 65—75.

⁴² Ščerbak, *Inscriptions incognites*, pp. 283—290.

⁴³ Шавкунов, *О письменности бохайцев*, стр. 82—84.

Региональной группировке памятников соответствует их историко-политическая (этническая) классификация:

1. Памятники Восточнотюркского каганата, к которым относится большая часть надписей Северной Монголии (орхонские тексты) и, возможно, памятники Алтая, могут быть определены как собственно тюркские памятники или, точнее, как памятники тюркского племенного союза. Все датированные надписи относятся к VIII в., но не исключено, что некоторые малые надписи могут быть отнесены к VII в.

2. Памятники Кыргызского государства представлены надписями долины Енисея и Суджинской стелой. По Л. Р. Кызласову, они датируются VII—XII вв.

3. Памятники племенного союза курькан (VIII—X вв.) включают Ленско-Прибайкальскую группу надписей.

4. Памятники Западнотюркского каганата включают как семиреченские, так и ферганские надписи. Если верхняя дата этих памятников определяется достаточно четко (VIII в.), то их нижняя хронологическая граница менее ясна. Наиболее вероятной представляется дата, предложенная А. фон Габэн, — рубеж VI—VII вв.⁴⁴

5. Памятники Уйгурского каганата в Монголии, к которым принадлежат Селенгинский камень и Карабалгасунская надпись, датируются второй половиной VIII — началом IX в.

6. Памятники Уйгурского государства в Восточном Туркестане, датированные IX—X вв., включают как тексты на бумаге, так и четыре настенные надписи из Турфана.

7. Памятники печенежского племенного союза распространены на сравнительно обширной территории. К ним относится восточноевропейская руника, деревянная палочка из Семиречья и, возможно, северокавказские руноподобные надписи.

Жанровая принадлежность памятников весьма разнообразна и позволяет выделить не менее шести групп надписей:

1. Историко-биографические тексты — как мемориальные, так и прижизненные восхваления деяний виднейших представителей тюркской, уйгурской и кыргызской знати, прежде всего членов каганского рода или близких им лиц, составленные их ближайшими родственниками или ими самими.

Такого рода надписи, к которым относятся Кошо-цайдамские

⁴⁴ Gábain, *Inhalt*, S. 539.

стелы, надпись Тоньюкука, надпись в честь Кули-чура, Онгинская надпись, Селенгинский, Карабалгасунский и Суджинский памятники, сочетают описание исторических событий, к которым в той или иной степени был причастен герой надписи или его предки, с изложением социальных и политических взглядов автора текста, своего рода декларациями, программное и, в какой-то степени агитационное значение которых несомненно.

2. Эпиграфическая лирика — надгробные надписи Енисея и Семиречья, охарактеризованные С. Е. Маловым как «кладбищенская поэзия» древнетюркской эпохи. Эти, как правило, недлинные надписи написаны по определенному стандарту и содержат упоминание имени и титулов героя, его возраста, нескольких важнейших событий его жизни (без описания обстановки, с которой связаны эти события) и жизненных благ, которыми «не наслаждался» покойный.

3. Памятные надписи на скалах, камнях и строениях, отмечающих какое-либо событие в жизни их автора (надписи Хойто-Тамира, Чарышская надпись, Кентейский памятник, надпись на мавзолее Тоньюкука, некоторые другие мелкие надписи). Иногда такого рода надписи содержат лишь несколько слов, называющих предмет или отмечающих отношение к нему автора (надписи на Сулекской писанице).

4. Магические и религиозные тексты, к которым относятся восточнотуркестанские «руны на бумаге» — «Книга гаданий», трактат о магических свойствах камней, фрагменты трактата манихейского содержания.

5. Юридические документы на бумаге из Дуньхуана и Турфана.

6. Метки на бытовых предметах — надписи на металлических сосудах и зеркалах, на керамике, на монетах. Такого рода метки содержат обычно имя владельца или мастера, благопожелания или сведения, связанные с функциональным назначением предмета (указание на вместимость сосуда или курсовое значение монеты).

Эти классификации ясно показывают сюжетную неоднородность и историографическую неравноценность памятников рунической письменности. Если благодаря сравнительному единству языка рунические тексты допускают унифицированный лингвистический подход к их изучению, то исследование памятников как исторического источника возможно лишь при выделении таких надписей, которые относятся к одной историко-политической группе и по своим сюжетно-жанровым особенностям дают достаточный для анализа материал.

В наибольшей степени этим требованиям отвечают орхонские памятники, которые без колебаний можно охарактеризовать как главный источник для истории второго Восточнотюркского каганата.

Историографическое значение орхонских памятников

В отличие от всех других рунических памятников, не исключая и сохранившиеся древнеуйгурские орхонские надписи, древнетюркские орхонские тексты содержат, взаимно дополняя друг друга, связное изложение истории Восточнотюркского каганата от его создания до начала упадка, рассказанное от имени крупнейших деятелей этого государства. Политическая тенденциозность каждого из таких повествований не только не снижает, но, напротив, значительно повышает ценность источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет лучше увидеть социальные конфликты и политические противоречия внутри каганата, чем это возможно при знакомстве с протокольным описанием «исторических происшествий» в китайских анналах.

Историографические аспекты анализа орхонских текстов могут быть различны. Выше мы уже обращались к памятникам как источнику для политической и социальной истории тюркской империи, фиксируя внимание на событиях внутренней истории каганата, а также его взаимоотношениях с Китаем и другими центральноазиатскими государствами. Не менее важен другой, мало изученный аспект содержащейся в надписях информации, коррелятивно связанный с уже затронутой линией повествования.

В крупнейших памятниках Орхона немалое место занимают упоминания, затрагивающие события среднеазиатской истории, анализ которых позволяет наметить пути исследования целого комплекса историко-географических, историко-политических и этнологических проблем. В этом плане следует выделить памятники, представляющие непосредственный интерес для темы нашего исследования. К ним относятся самые значительные из орхонских надписей — памятник в честь Кюль-тегина, памятник в честь Бильге-кагана, памятник Тоньюкука, памятник в честь Кули-чура и в меньшей степени Онгинская надпись.

Другие древнетюркские тексты, содержащие вспомогательный материал, будут охарактеризованы по мере их привлечения.

Памятники Кюль-тегину и Бильге-кагану были открыты Н. М. Ядринцевым в 1889 г. в урочище Кошо-цайдам, на берегу Кокшин-Орхона, в 400 км западнее Улан-Батора, в 25 км южнее оз. Угей-нор и в 40 км севернее развалин Карабалгасуна. В 1890 г. памятник был обследован экспедицией Г. Гейкеля, в 1891 г. — экспедицией В. В. Радлова. В 1902 г. памятник осмотрел и описал английский консул в Учжоу К. Кэмпбелл, а в 1909 г. — французский путешественник де Лякост⁴⁵. В 1912 г. памятники были освидетельствованы

⁴⁵ Campbell, *Report*; Lacoste, *Au pays sacré*, pp. 78—79.

В. Л. Котвичем⁴⁶. В 1960 г. памятники были вновь осмотрены Е. И. Убрятовой и В. М. Наделяевым.

Стелы с надписями находятся на расстоянии около одного километра друг от друга и входят в комплекс других погребальных сооружений. В. В. Радлов произвел небольшие раскопки холма, который был им первоначально принят за могильный курган Бильге-кагана; впоследствии оказалось, что там были обнаружены руины заупокойного храма⁴⁷. Погребальный комплекс, связанный с памятником Кюль-тегину, впервые был подвергнут подробному, хотя и незавершенному, археологическому обследованию лишь в 1958 г. монгольско-чехословацкой экспедицией; раскопками руководил чешский археолог Л. Йисл⁴⁸. Результаты работ этой экспедиции, а также сведения китайских источников и самих надписей позволяют составить некоторое представление о первоначальном виде погребальных сооружений и их истории.

Кюль-тегин умер на 47-м году жизни, 27 февраля 731 г.⁴⁹. В мае этого года Бильге-каган обратился к императору Сюаньцзуну с просьбой прислать китайских мастеров и художников для строительства храма и изготовления изображения Кюль-

⁴⁶ Котвич, *В Хушо-цайдаме*, стр. 50—54.

⁴⁷ Радлов и Мелиоранский, *Древнетюркские памятники*, стр. 4—5.

⁴⁸ Jisl, *Výzkum*, pp. 86—115; Jisl, *Vorbericht*, S. 65—77.

⁴⁹ В надписях приняты две системы летосчисления — по годам жизни героя и по годам 12-летнего животного цикла. В надписи на одной из граней памятника в честь Кюль-тегина (KIII) сообщается: «Кюль-тегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны. [Надгробное] здание, резные (изображения?) и камень с надписью (в честь) его — мы все (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюль-тегин умирал сорока семи лет». Следовательно, Кюль-тегин умер 27 февраля 731 г., похороны состоялись 1 ноября 731 г., а освящение храма, на котором присутствовало китайское посольство, — 1 августа 732 г. Календаря, который бы фиксировал не циклическое, а протяженное время, в каганате не употребляли, что свидетельствует об отсутствии длительной историографической традиции; вместе с тем все события истории второго каганата датированы чрезвычайно точно. О времени и путях проникновения 12-летнего цикла к тюркам сведений нет, но в древнеуйгурских текстах он носит согдийское название *apxwzπ* (Le Coq, *Türkische Manichaica*, Bd I, S. 19, Z. 2). В Суй шу сообщается, что тюрки определяли время «по зелени травы», но там же приводится письмо кагана Шаболю, датированное «годом Дракона (584 г.), девятым месяцем, десятым днем» (Liu Mau-tsai, I, S. 463). Китайским календарем, принятие которого считалось символом подчинения Китаю, тюрки не пользовались, хотя есть сведения, что в 586 г. император «пожаловал» тюркам календарь (Liu Mau-tsai, I, S. 463). Первые образцы протяженного летосчисления в древнетюркской письменности дают древнеуйгурские манихейские тексты, где исходным пунктом является год рождения Мани. Подробно система летосчисления в древнетюркских памятниках описана в работе А. Габэн (Gabain, *Altürkische Datierungsformen*, S. 191—203). О 12-летнем цикле существует огромная литература; наиболее удачна сводная работа О. Турана (Turan, *On iki takvimi*; см. также: Pritsak, *Bulgarische Fürstenliste*, S. 24—34; Захарова, *Двенадцатилетний животный цикл*, стр. 32—65).

тегина⁵⁰. Сюаньцзун исполнил просьбу: «Император отправил полководца Чжан Цюй-и и сановника Лю Сяна с эдиктом за государственной печатью для выражения соболезнования и принесения жертвы. Император повелел иссечь слова [эпитафии] на каменной плите и предписал также воздвигнуть храм и статую, а на четырех стенах храма изобразить виды сражений [Кюльтегина]. (Кроме того), было указано шести известнейшим художникам отправиться [к тюркам]; они написали картины столь живо и естественно, что (тюрки) единодушно решили, что подобного еще не бывало в их царстве»⁵¹. В Цзю Тан шу отмечено также, что эпитафию Кюльтегина написал сам император.

О работе китайских мастеров сообщает и памятник в честь Кюльтегина: «Китайский каган прислал мне своих «внутренних» мастеров. Им я поручил устроить особое здание, внутри и снаружи я повелел покрыть [стены] особой резьбой и воздвигнуть камень» (КТм, 12). Чжан Цюй-и и Лю Сян (Исьи и Ликенг тюркского текста — КТб, 52) выехали из Чанани в декабре 731 г.; 1 августа 732 г. была установлена стела с надписью; постройка храма была завершена лишь к концу 733 г.⁵². Этот, казалось бы, большой срок работ объясняется при знакомстве с сооружениями, открытыми археологическими раскопками.

Погребальные памятники расположены на прямоугольной площадке, вытянутой по линии запад — восток. Площадка (67,25 × 28,85 м) вымощена квадратным сырцовым кирпичом (0,33 × 0,33 м) и обнесена рвом глубиной до 2 м, шириной в верхней части около 6 м, по дну — 1,2 м. Сразу за рвом возвышалась стена из сырцового кирпича. Вход на площадку — с востока, где ров не был прокопан. Прямо от входа начинались, вытянувшись на восток, две цепочки камней (балбалов), в начале которых были установлены две грубо высеченные каменные фигуры; всего камней 169 — по числу врагов, убитых Кюльтегином. По обе стороны от входа — две мраморные фигуры баранов. В 8 м на запад от входа найдена огромная мраморная черепаха (ее длина — 2,25 м), на спине которой первоначально была установлена стела с надписью. При падении стела пострадала мало: откололось лишь два небольших куска с руническими знаками, найденные Л. Йислом при раскопках.

От входа к заупокойному храму вела аллея, вдоль которой были установлены мраморные фигуры людей; сейчас сохранились, хотя и в поврежденном виде, одна стоящая женская фигура с платком в руке, одно изображение стоящего мужчины с мечом, две фигуры коленопреклоненных мужчин (третью та-

⁵⁰ Pelliot, *Neuf notes*, p. 248.

⁵¹ Pelliot, *Neuf notes*, pp. 246—247; Liu Mau-tsai, I, S. 228—229; Бичурин. *Собрание сведений*, т. I, стр. 276—277.

⁵² Pelliot, *Neuf notes*, pp. 247—248.

кую же статую В. Л. Котвич вывез в 1912 г. в Петербург) и мужской торс. Посреди двора на фундаменте из обожженного кирпича (13×13 м) возвышался храм (10,25×10,25 м), оштукатуренные стены которого были покрыты снаружи узорами, сделанными красной краской. Стены украшали также лепные изображения — маски драконов. Шестнадцать деревянных колонн на каменных основаниях поддерживали черепичную крышу. Внутренние стены храма были украшены несохранившимися фресками, сюжет которых — подвиги Кюль-тегина.

В середине храма находилось святилище (4,40×4,40 м), огороженное внутренней стеной. Вход в святилище, как и вход в храм, — с востока. В святилище найдены нижние части двух сидящих фигур — портретные изображения Кюль-тегина и его жены. Голова статуи Кюль-тегина и часть головы второй фигуры найдены тут же, в углублениях перед статуями, где первоначально, по погребальному обряду, стояли горшки с ритуальной пищей. В углублениях были найдены также обломки керамики. Голова Кюль-тегина в тиаре из пяти щитков с рельефным изображением распластавшего крылья орла — лучшее портретное изображение, когда-либо найденное в Центральной Азии. К западу от храма стоит жертвенник — огромный гранитный куб, в верхней части которого проделано углубление. Каких-либо следов захоронения не обнаружено, так же как они не были обнаружены на погребальной площадке Бильге-кагана⁵³.

Раскопками Л. Йисла установлено, что заупокойный храм и другие сооружения вскоре после того, как они были воздвигнуты, подверглись разрушению. Затем храм был вновь восстановлен. Йисл предположил, что храм разрушили уйгуры (745 г.) или кыргызы (840 г.)⁵⁴. Скорее всего верно первое предположение, которое позволяет выдвинуть гипотезу, объясняющую позднейшую реставрацию храма. После разгрома Уйгурского

⁵³ О погребальном обряде тюрков и его аксессуарах существует большая литература: Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 509; Грач, *Каменные изваяния*, стр. 401—431; Грач, *Древнетюркские изваяния*, стр. 73—94. Обычным погребальным обрядом для рядовых воинов-кочевников было погребение с конем, отмеченное сверху округлой каменной насыпью (курганом). Однако для тюркской аристократии был характерен другой обряд — трупосожжение с конем (Liu Mau-tsai, I, S. 9—10). Лю Мао-цзай, цитируя слова императора Тайцзуна, сказанные им в 628 г., о том, что тюрки ныне не сжигают, а хоронят умерших под курганом, приходит к выводу об изменении обряда под влиянием китайцев или окружающих кочевых народов (Liu Mau-tsai, I, S. 464). Однако в 634 г., во время похорон кагана Хели, состоявшихся в Китае, его труп «по их (тюрков) обычаю» был сожжен, а прах погребен под курганом (Liu Mau-tsai, I, S. 197). Очевидно, обряд захоронения членов каганской фамилии не изменился; не исключено, что Бильге-каган и Кюль-тегин были погребены по тому же обряду, что и Хели (Грач, *Древнетюркские изваяния*, стр. 73—94).

⁵⁴ Jisl, *Vorbericht*, S. 73.

каганата кыргызами район Карабалгасуна не был центром степных империй Центральной Азии вплоть до монгольской эпохи. Возможно, тюрки после миграции уйгуров в Восточный Туркестан вновь заняли свои прежние территории, хотя бы и на правах вассалов кыргызского хана, и частично восстановили свои старые святилища. В пользу этого предположения говорит как будто и то, что посетивший в 924 г. район Карабалгасуна киданьский император Абаоцзи приказал высечь свою надпись тюркским руническим письмом. Китайский источник сообщает, что еще во время Хубилая (1260—1294) памятник Кюль-тегину был хорошо известен; по крайней мере, он отмечается как одна из достопримечательностей вблизи построенного Угэдэем (1228—1241) города Хорина⁵⁵.

Стела с надписью имеет форму усеченной пирамиды, высота которой — 3,15 м, ширина в основании — 1,24 м, толщина — 0,41 м. Верхушка плиты высечена в форме пятиугольного щита, обрамленного изображениями драконов. На одной из сторон щита изображена каганская тамга; на другой стороне — китайская надпись, содержащая дату сооружения памятника — 1 августа 732 г. Правее китайской надписи вырезаны две строки рунического письма, каллиграфически значительно уступающие основному тексту. Как предположил В. В. Радлов, эти строки, содержащие апологию Кюль-тегина, были нанесены на камень тушью самим Бильге-каганом, а резчик вырезал их, подражая почерку кагана⁵⁶. Основная поверхность плиты с этой же стороны покрыта китайской надписью. Три другие поверхности, а также подтесанные на ребрах плоскости заполнены руническими текстами. На основной поверхности плиты 40 строк надписи, продолжением которой служат 13 строк на правой боковой поверхности; это так называемая «большая надпись» (КТб). На левой боковой поверхности (Ка) помещена «малая надпись» (КТм) — 13 строк. Все четыре грани каменной пирамиды стесаны, и на образовавшихся плоскостях помещены четыре маленькие рунические надписи, из которых сохранилось три (К I, К II, К III). Несмотря на отдельные лакуны, общая сохранность текста на памятнике Кюль-тегину значительно лучше, чем на остальных.

Стела в честь Бильге-кагана, найденная в таком же погребальном комплексе, по внешнему виду совершенно аналогична стеле в честь Кюль-тегина⁵⁷. При падении на землю каменная

⁵⁵ Васильев, *Китайские надписи на орхонских памятниках*, стр. 9.

⁵⁶ Радлов и Мелиоранский, *Древнетюркские памятники*, стр. 10. Описание Кошо-цайдамских памятников дается по этой работе.

⁵⁷ Радлов и Мелиоранский, *Древнетюркские памятники*, стр. 2, 8. Мы всюду следуем введенным В. В. Радловым и принятым в русской тюркологической литературе обозначениям (шифрам) текстов на каждом из Кошо-цайдамских памятников; В. Томсен и другие западноевропейские тюркологи приняли обозначения, предложенные Г. Гейкелем.

плита разбилась на три части. Ее общие размеры — $3,45 \times 1,74 \times 0,72$ м. Так же как и стелу Кюль-тегина, ее увенчивает пятиугольный щит, окруженный статуарными изображениями лежащих драконов. На одной из сторон щита — плохо сохранившаяся руническая надпись (Xc), под которой на основной поверхности находится китайский текст, также пострадавший в результате эрозии камня. На другой стороне щита — каганская тамга⁵⁸; ниже, на основной поверхности — 41 строка рунического текста (X), продолжением которого служат 15 строк на левой боковой стороне (Xa). «Малая надпись» из 15 строк нанесена на правую боковую поверхность (Xb). Четыре грани памятника также стесаны и покрыты руническими надписями, но сохранились лишь две из них (XI и XII).

Бильге-каган умер «в год Собаки, в десятый месяц, двадцать шестого (дня)» (Xa 10), т. е. 25 ноября 734 г., и был похоронен «в год Свиньи, пятый месяц, в двадцать седьмой (день)» (Xa 10), т. е. 22 июня 735 г. На похоронах присутствовало китайское посольство во главе с Ли Цюанем (Лисюн тюркского текста — Xa 11), которое выехало из Чанани в феврале 735 г.⁵⁹ Китайская надпись, составленная историографом Ли Жуном и каллиграфически переписанная самим императором, ко времени похорон уже была вырезана на стеле, так же как, вероятно, была закончена постройка храма, где китайские послы «установили» погребальные курительные свечи и сожгли благовония (Xa 11).

Композиция обеих надписей совершенно аналогична; более того, значительные части надписей текстуально совпадают: КТм, 1—11 = БКм, 1—7; КТб, 1—30 = БКб, 3—23. Повествование ведется от имени Бильге-кагана; надписи (bitig) — это его «слово», его «речь» (sab), обращенная к «тюркским бегам и народу», к «бегам и народу токуз-огузов», к покорившимся племенам.

В «малых надписях», которые являются не только введением, но и резюме «больших», Бильге-каган, кратко упомянув о дальних походах, совершенных им «для блага тюркского народа», предостерегает внимающих ему против «злых людей», польстившихся на богатые дары китайского императора и советующих тюркам переселиться на юг, т. е. подчиниться Китаю. Он напоминает недавнее прошлое, когда «тюркский народ» «совершенно изнемог и изнурился» под властью «кагана народа табгач». Лишь в Отюкенской черни, недоступной для китайских войск, тюрки могут чувствовать себя спокойно и поддерживать с Китаем дружественные отношения, получая оттуда богатые

⁵⁸ О символике каганской тамги см.: Грач, *Петроглифы Тувы*, стр. 408—411.

⁵⁹ Pelliot, *Neuf notes*, pp. 229—246.

дары: Для того чтобы «тюркский народ» помнил, как он, Бильге-каган, «неимуший народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным», чтобы «тюркский народ» знал, чего ему следует опасаться, а чему следовать, «речь» кагана запечатлена на «вечном камне»: «О тюркские беги и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы (беги и народ), собрав тюркский народ, созидали (свое) государство, как вы, погрешая, делились, я все здесь вырезал. Все, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне. Смотря на него, знайте (учитесь) вы, теперешние беги и народ!» (КТм, 10—11).

«Большие надписи» обоих памятников посвящены историческому повествованию, которое Бильге-каган начинает с давних времен: «(1) Когда вверху возникло голубое небо, а внизу — бурая земля, между (ними) обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумынкаган, Истеми-каган. Сев (на царство), они создавали и поддерживали государство и установление тюркского народа. (2) Четыре угла света все были им врагами; выступая (в поход) с войском, народы четырех углов света они все покорили... (3) Так они царствовали... устанавливая порядок среди голубых тюрков, не имевших до того ни господина, ни (организации по) «стрелам». Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их буюруки были, надо думать, мудрыми, были, надо думать, мужественными, и их беги и народ были прямы (единодушны). Поэтому-то, надо думать, они и правили столь долго государством и, управляя государством, устанавливали законы. Затем (4) они скончались... После них стали каганами их младшие братья, (5), а потом стали каганами их сыновья. После того так как младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство), надо думать, неразумные каганы, (6) и их буюруки были также неразумны, были трусливы. Вследствие непрямоты (неверности кагану) бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательств обманывающих из китайского народа и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ — с бегами, тюркский народ привел в расстройство свое до того времени существовавшее государство (7) и навлек гибель на царствовавшего кагана; китайскому императору стали они рабами своими крепкими сыновьями, рабынями — своими чистыми дочерьми» (КТб, 1—7).

Так повествует Бильге-каган о создании и упадке, подъеме и крушении первого тюркского государства, время возникновения которого казалось в VIII в. легендарно далеким. Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размерен-

ном ритме былинного повествования не проступала столь отчетливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали «тюркскому народу» далекие предки царствующего кагана.

Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам — таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи, таковы основные условия существования «вечного эля». Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган в другом месте надписи подводит итог сказанному: «Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечально» (БКм, Хв 13—14). В этих строках ясно выражена классовая сущность идеологии аристократической верхушки тюркского каганата, в надписи настойчиво звучит требование абсолютной покорности народа кагану и бегам — и вместе с тем весь текст памятников должен служить, по мысли автора, обоснованием и подтверждением этой идеи. Благополучие «тюркского народа» есть результат подчинения кагану, который вместе с бегами из Отюкенской черни посылает войска в победоносные походы, награждает народ добычей и данью покоренных племен: «...их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их напитки, добытые из зерна, их верховых лошадей и жеребцов, их черных соболей и голубых белок я добыл для моего тюркского народа!» (БКм, Хв 11—12).

Семь первых строк «больших надписей» в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана посвящены первому Тюркскому каганату. Династийные распри и борьба народа против бегов привели к гибели последнего кагана, который, как и ближайшие его предшественники, не проявил ни достаточного ума, ни достаточного мужества. Гибель кагана, каков бы он ни был, привела в конце концов «тюркский народ» на грань гибели (КТб, 8—10), но небо сжалилось и послало ему спасителя — Ильтериш-кагана, отца Бильге-кагана. В жестоких сражениях Ильтериш возродил тюркский эль (КТб, 11—16). Наследовавший ему Капаган-каган еще более поднял могущество и благосостояние «тюркского народа». Однако народ не оценил своего счастья — он впал в смуту, допустил гибель кагана, вновь превратился в народ «жалкий и низкий» (КТб, 16—26). Став каганом в такой обстановке, Бильге «не спал ночей и не сидел (без дела) днем». Двенадцать раз он ходил в походы и возродил эль и славу «тюркского народа», «поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ» (КТб, 26—29). Ближайшим соратником и сподвижником Бильге-кагана был его брат Кюль-тегин.

О битвах и походах, в которых участвовал Кюль-тегин, о его делах и подвигах, о его смерти и похоронах, о скорби Бильге-кагана рассказывается в 30—53-й строках надписи. Эта часть повествования начата описанием первого похода, в котором участвовал 16-летний княжич, — похода против «согдаков» в 701 г., а в 44—50-й строках повествуется о самых славных деяниях витязя — его битвах с токуз-огузами в 724 г., когда Кюльтегин спас ставку и семью кагана. Впрочем, описание успешных сражений, происходивших после 716 г., т. е. после вступления на престол Бильге-кагана, перенесено в основном в надпись самого кагана (БКб, 30—50); своим подвигам до восшествия на престол каган уделяет лишь шесть строк (БКб, 24—29).

В 51-й строке большой надписи в честь Бильге-кагана (Ха 10) «речь» от лица Бильге-кагана прерывается; строки 51—56 (Ха 10—15), так же как и плохо сохранившаяся надпись на щите памятника, написаны от имени сына и наследника Бильге-кагана (вероятно, Тенгри-кагана). Возможно, ему же принадлежит надпись на одной из стесанных граней памятника (X II) и надпись на щите (Xc). В 51—56-й строках содержатся даты смерти и похорон Бильге-кагана, описание номинальных даров, иерархия бегов, стоявших вокруг каганского трона.

Таковы вкратце содержание и композиции обеих надписей.

В памятниках подчеркивается, что все написанное — «сердечная речь» Бильге-кагана, его подлинные слова, высеченные по его приказу китайскими резчиками на «вечном камне»: «Я вечный камень... от китайского кагана привел мастеров и поручил (им) выполнить резьбу. Они не изломали (не исказили) моей речи!.. Сердечную речь мою... знайте, смотря на него (на памятник)!» (КТм, 11—12). В аналогичных по содержанию строках «малой надписи» Бильге-кагана содержится указание, что памятник был создан еще при жизни Бильге (Xb 14—15), а в другом месте упоминается, что его знали «тюркские беги и народ», «чтившие этот обелиск» (Ха 15). Очевидно, текст, написанный от имени сына Бильге-кагана, был нанесен на уже установленную или подготовленную к установке плиту; это обстоятельство подтверждается также наблюдением В. В. Радлова, отметившего, что последние строки правой боковой надписи стелы написаны явно отдельно от основного текста⁶⁰.

Таким образом, можно считать, что оба памятника написаны по приказу Бильге-кагана, под его наблюдением и контролем, выражают его мысли и, возможно, в какой-то мере запечатлели его собственные слова. Однако каждый памятник —

⁶⁰ Радлов и Мелиоранский, *Древнетюркские памятники*, стр. 5—6.

достаточно сложное композиционно литературное произведение и одновременно историческая хроника, с высокой точностью перечисляющая события, которые представляются достойными упоминания ее автору. Текст написан исключительно ясным и четким языком, палитра художественных приемов чрезвычайно разнообразна, а о традиционном характере стиля говорят многочисленные трафаретные выражения и характеристики. Все это свидетельствует о том, что текст надписей — не просто запечатленный на камне устный рассказ, а творение мастера, обладавшего незаурядным литературным дарованием и тонким чувством языка, историографа и панегириста царствующей династии второго Восточнотюркского каганата. Наконец, отработанная орфография и палеографическая безукоризненность текстов указывают, что китайские граверы выполнили лишь последнюю стадию работы — вырезали предварительно нанесенные на камень знаки.

Автор сам назвал свое имя, трижды запечатлев его в надписи Кюль-тегина и один раз — в надписи Бильге-кагана: «Столько надписей написавший я, родственник Кюль-тегина, Йолыг-тегин, это написал. Двадцать дней просидев (за работой), на этот камень, на эту стелу (это) все я, Йолыг-тегин, написал» (К II, ср.: КТм, 13, К I). «Надпись Бильге-кагана я, Йолыг-тегин, написал. Столь многие здания, украшения и искусства я, родственник тюркского Бильге-кагана, Йолыг-тегин, проведя (за работой) месяц и четыре дня, покрыл надписями и украсил» (X I)⁶¹.

К сожалению, ни надписи, ни китайские источники не сообщают каких-либо дополнительных сведений о Йолыг-тегине. Член каганского рода и его герольд, Йолыг-тегин был, как он сам заявляет, автором многих надписей, пожалуй, первым известным нам по имени писателем, писавшим на тюркском языке. Это он своей рукой нанес на камень (процарапал или написал тушью) текст надписей, высеченный затем китайскими резчиками. Ему принадлежали также несохранившиеся надписи на стенах заупокойных храмов. Несомненно, что памятник как литературное произведение и образец древнетюркской историографии был написан им. Однако вряд ли следует преувеличивать самостоятельность политического мышления Йолыг-тегина и приписывать ему разработку тех политических взглядов, которые отражены в памятниках⁶². Йолыг-тегин писал то, что соответствовало мыслям, словам и действиям его

⁶¹ Йолыг-тегин называет себя *aty* — «племянник»(?), «внучатый племянник»(?), «внук»(?) — Бильге-кагана и Кюль-тегина. В своем последнем переводе С. Е. Малов предпочел перевести это слово более общим понятием — «родственник» (Малов, *Памятники Монголии и Киргизии*, стр. 24, 91).

⁶² Козьмин, *Классовое лицо «атысы» Йолыг-тегина*, стр. 259—277; Бернштам, *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков*, стр. 35.

сюзерена и родича — Бильге-кагана; недаром все политические формулировки изложены от лица Бильге-кагана с указанием, что резчики не исказили его «речи».

Кошо-цайдамские надписи являются крупнейшими памятниками древнетюркской рунической письменности. Их значение для древнетюркской филологии и истории невозможно преувеличить. Наблюдения, сделанные при изучении этих двух текстов, давно уже стали нормативными, а сами памятники превратились в своеобразные эталоны, с которыми сравнивают чуть ли не все другие рунические надписи. Несмотря на длительную историю, изучение обоих текстов еще далеко не завершено. Лингвистов и литературоведов, историков и этнографов, обратившихся к этим памятникам, ждет немало неожиданного.

Надпись Тоньюкука открыта Е. Н. Клеменц в 1897 г. В 1898 г. были сделаны эстампажи и фотографии надписи, по которым В. В. Радлов осуществил публикацию памятника и первый перевод текстов. Позднее памятник был обследован Г. Рамstedтом (1909 г.)⁶³, Б. Я. Владимирцовым (1925 г.)⁶⁴, П. Аалто (1957 г.)⁶⁵, Е. И. Убрятовой и В. М. Надеяевым (1960 г.).

Памятник расположен в урочище Баин-Цокто, в 66 км к юго-востоку от Улан-Батора, между населенным пунктом На-лайха и правым берегом р. Тола. Как и в Кошо-цайдаме, надпись является частью погребального комплекса, к которому относятся также руины заупокойного храма, квадратный саркофаг (2,60×2,60 м, высота — 1,50 м) из наполовину врытых в землю мраморных плит, украшенных орнаментом, малый саркофаг (1,50×1,50 м), восемь высеченных из камня человеческих фигур и цепочка камней (балбалов), примыкающих к храму с востока. Небольшие раскопки произвел здесь Б. Я. Владимирцов, обнаруживший, что погребальная площадка была вымощена сырцовым кирпичом. В 1957 г. памятник вновь подвергся археологическому обследованию. Работавшие здесь монгольские археологи еще не опубликовали отчеты, но, по сообщению Л. Йисла, были найдены золотые украшения конской сбруи и золотые бляхи⁶⁶. Особый интерес представляют найденные тогда же лепные украшения (маски демонов) и фрагменты штукатурки со стен заупокойного храма; на десяти кусках штукатурки сохранилась небрежно процарапанная руническая надпись (16 знаков), рисунок которой опубликовал археолог Сэроджав⁶⁷. Эта надпись не имеет отношения к памятнику Тоньюкука.

⁶³ Aalto, G. I. *Ramstedt und die Inschrift von Tonjukuk*, S. 19—24.

⁶⁴ Владимирцов, *Этнолого-лингвистические исследования*, стр. 41—42.

⁶⁵ Aalto, *Materialien*, S. 3—8.

⁶⁶ Jisl, *Vorbericht*, S. 73.

⁶⁷ Сэроджав, *Шинэ олдсон*, стр. 1—4.

Надпись Тоньюкука вырезана на двух врытых в землю каменных столбах, прямоугольных в сечении, расположенных друг против друга параллельно восточной стене храма, в нескольких метрах от нее. Высота южного столба, содержащего начало надписи (строки 1—36), — 1,70 м. Северный столб (строки 37—62) несколько ниже — 1,60 см. Строки расположены вертикально и идут слева направо. Сохранность знаков не везде хорошая; особенно велики лакуны в надписи северного обелиска. Оформление памятников, как и всего комплекса, значительно скромнее, чем в Кошо-цайдаме.

Каких-либо сведений об авторе или исполнителе надписи в тексте нет, но в 58-й строке сообщается, что надпись сделана по приказу Тоньюкука: «Я, мудрый, Тоньюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильге-кагана». Судя по тому, что в надписи отсутствуют какие-либо приписки, указывающие на смерть или похороны Тоньюкука, памятник был установлен еще при жизни его героя и позднее включен в комплекс погребальных сооружений.

По сравнению с Кошо-цайдамскими текстами надпись Тоньюкука обладает некоторыми графическими и языковыми особенностями. Стиль надписи менее торжествен, чем стиль Кошо-цайдамских памятников, автор гораздо шире использует такой литературный прием, как диалог, уснащает рассказ притчами и поговорками, что делает повествование эмоциональным и непринужденным. Последний исследователь надписи Р. Жиро пришел к выводу, что две части надписи — преамбула и заключительные строки — написаны стихами, как бы оформляя ритмическую прозу основного рассказа⁶⁸.

К подобным же выводам пришли и исследователи памятников Кюль-тегину и Бильге-кагану⁶⁹.

По своему содержанию надпись — написанная в панегирических тонах автобиография Тоньюкука, рассказанная на фоне исторических событий, активным участником которых он был. Вместе с тем надпись содержит не только описание, но и трактовку этих событий, их политическую оценку.

В 1-й строке Тоньюкук сообщает, что он получил воспитание в Китае, в то время когда весь «тюркский народ» был «в подчинении у китайского государства». Далее рассказывает историю великого восстания тюрков, в результате которого возник второй Восточнотюркский каганат (строки 2—19). Строки 20—48 — живое описание войн с кыргызами и тюргешами и похода в Согд. Заключительные строки надписи (48—62) —

⁶⁸ Giraud, *L'inscription de Bain Tsokto*, pp. 123—136.

⁶⁹ Корш, *Древнейший народный стих*, стр. 139; Бернштам, *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков*, стр. 33; Стеблева, *Поэзия тюрков*, стр. 148—161.

apologia pro vita sua, безудержное восхваление собственных дел и заслуг, без которых, по мнению Тоньюкука, возникновение и существование тюркского государства было бы невозможным.

Существует мнение, что надпись была написана Тоньюкуком в тот период, когда он находился во временной опале, т. е. около 716 г., или сразу же после этого времени, когда Тоньюкук вновь стал советником кагана, но положение его было все еще неустойчиво. Именно этим объясняется неумеренная апологетика надписи, сочетающаяся с изъявлениями преданности новому государю. Во всяком случае упоминание имени Бильгекагана делает 716 год *terminus a quo* надписи.

Несмотря на появившиеся в последние годы новые переводы, надпись Тоньюкука является одним из трудных и мало изученных памятников, что отчасти объясняется недостатками существующих воспроизведений текста, а отчасти — серьезными трудностями, с которыми сталкивается исследователь при интерпретации многих мест надписи. В историографическом отношении надпись Тоньюкука неотделима от Кошо-цайдамских памятников.

Памятник Кули-чур у был открыт В. Л. Котвичем в 1912 г., в долине Ихэ-Хушоту, к юго-западу от Улан-Батора. Памятник является частью погребального комплекса, совершенно аналогичного по типу комплексу в Баин-Цокто. Повторные исследования памятника, насколько нам известно, не предпринимались. Первый перевод надписи принадлежит А. Н. Самойловичу⁷⁰.

Стела с надписью представляет собой гранитную плиту размером 1,90×0,61×0,16 м. Широкими сторонами она ориентирована по линии запад — восток. Надпись, покрывавшая все четыре плоскости, сохранилась очень плохо. На северной стороне надпись совершенно уничтожена выветриванием, остальные плоскости сильно эродированы. Удалось в какой-то мере прочесть 13 строк на восточной стороне, 12 — на западной, 4 — на южной, всего 29 строк.

По замечанию А. Н. Самойловича, стиль памятника прост, а словарь невелик. Никаких сведений об авторе в надписи не содержится. Памятник является эпитафией одного из знатнейших вельмож Восточнотюркского каганата, сподвижника Кутлуга, Капагана, Бильге-кагана и Тоньюкука (их имена упомянуты в надписи), вождя тардушей Кули-чур.

Кули-чур — глава тардушских бегов — назван в надписи Бильге-кагана как один из участников церемонии интронизации Бильге (Ха 13). Упомянут Кули-чур и в памятных надпи-

⁷⁰ Kotwicz et Samoïlovitch, *Le monument turc*, pp. 60—107; ср. новый перевод С. Е. Малова (Малов, *Памятники Монголии и Киргизии*, стр. 25—30).

сях Хойто-Тамира как предводитель тардушей в походе на Бешбалык⁷¹. В надписи перечисляются походы и битвы Кули-чура с китайцами, арабами, токуз-огузами, татабийцами, карлуками, прославляются его мужество и добродетели, упоминается погребальный обряд и постройка храма. Даты смерти или похорон Кули-чура в надписи нет: отмечено лишь, что он прожил 80 лет.

А. фон Габэн на основании своего чтения 10-й надписи Хойто-Тамира пришла к заключению, что Кули-чур погиб во время похода в Табчиг (?), в год Обезьяны (721 г.)⁷².

Понимание надписи затруднено большим количеством лакун. До сих пор неясно, в какой последовательности изложены события в тексте, хотя многие из них могут быть надежно отождествлены с событиями, о которых рассказано в Кошо-цайдамских памятниках и в надписи Тоньюкука.

Онгинская надпись была открыта Н. М. Ядринцевым в 1891 г., близ гор Маниту и р. Онгин, примерно в 180 км к югу от Кошо-цайдама, в погребальном комплексе, аналогичном комплексу в Ихэ-Хушоту. Для нашей темы эта надпись имеет только контрольное значение, поэтому приведем лишь основные сведения.

На стеле сохранилось двенадцать плохо читаемых из-за эрозии камня строк; кроме того, восемь строк сохранилось на особом камне близ стелы. Плохая сохранность надписи обусловила недостаточно ясное чтение. До последнего времени не было известно, кому посвящена надпись и когда воздвигнута стела. Предполагали, что это памятник Ильтериша или Капана⁷³. В надписи читалось имя и совсем неизвестного кагана — Тачам⁷⁴. А. фон Габэн установила, что в последнем случае следует читать атаџум — «мой батюшка»⁷⁵. Лишь недавно, благодаря исследованиям Дж. Клосопа, установлено, что надпись является эпитафией Алп Элетмиша — одного из полководцев Капагана и Бильге-кагана, умершего, вероятно, в 731 г.⁷⁶. По своему содержанию надпись во многом близка к Кошо-цайдамским текстам, но несравненно короче и сбивчивее их. Описываются сражения с огузами и китайцами; в первых трех строках — предыстория второго Тюркского каганата. Особо подчеркивается верность рода Алп Элетмиша каганской фамилии. Для более определенных выводов, безусловно, необходимо новое издание надписи.

⁷¹ Малов, *Памятники Монголии и Киргизии*, стр. 47.

⁷² Gabain, *Inhalt*, S. 553.

⁷³ АТИМ, N F., S. 247; Бернштам, *Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков*, стр. 38—40; Onogawa, *Ongin inscription*, pp. 431—451.

⁷⁴ Малов, *Памятники Монголии и Киргизии*, стр. 11.

⁷⁵ Gabain, *Inhalt*, S. 543.

⁷⁶ Clauson, *The Ongin inscription*, pp. 177—192.

Важнейший методический вопрос при историографическом истолковании любого памятника — вопрос о степени достоверности его как источника. Точность и полнота в учете и отображении важнейших событий — таковы лишь главные из критериев оценки источника, но и точность, и полнота, и само понимание важного, достойного упоминания, и второстепенного зависят от социального и политического мышления автора, определяемого эпохой и средой, от его симпатий и антипатий, от его культуры, ума, таланта.

Как уже отмечалось, Йолыг-тегин обладал высоким литературным дарованием, а скрупулезность, с которой он описывал события, происходившие несколько десятков лет назад, дает возможность предполагать наличие историографической традиции. Но надписи — не сухой перечень фактов, в них нет и тени беспристрастия. Те строки, которые Йолыг-тегин «вырезал на вечном камне», преследовали вполне определенную цель — так изложить ход истории каганата, чтобы убедить читающего надпись в правильности политической линии царствующего дома, в божественной непогрешимости кагана, в прямой зависимости личного благополучия каждого кочевника-тюрка от крепости эля, возглавляемого каганом, от непоколебимости поддерживаемых каганом «установлений и законов». Все военные и политические неудачи изображены как результат измены, неповиновения кагану «бегов и народа», а все успехи рисуются как проявление мудрости и мужества кагана и близких ему лиц.

Естественно, такая историографическая концепция определенным образом лимитировала и направляла отбор событий, достойных упоминания в мемориальных надписях кагана и его брата. Узок и временной диапазон памятников — он охватывает в основном события, связанные с историей второго каганата. Однако Кошо-цайдамские памятники обладают значительными достоинствами. К их числу относится аутентичность — автор писал о том, что происходило на его глазах или в недавнем прошлом, о фактах, которые ему, члену каганского рода, были хорошо известны. Вместе с тем эти факты были известны и его читателям, мнение которых было совсем небезразлично и Бильге-кагану, пока он был жив, и Йолыг-тегину. Этим объясняется стремление тщательно, иногда до мелочей точно, описывать каждое происшествие. Так, исключительно подробно передаются события военной истории, непременно участниками которых были Бильге-каган или Кюль-тегин. Здесь автор очень редко позволяет себе поэтические отступления — в большинстве случаев он информирует, а не воспекает, констатирует факты, а не украшает их. Внутри разделов, посвященных анналистике, события излагаются в ненарушимой хронологической последовательности, в стройной логической связи.

Все сказанное о слабых и сильных сторонах Кошо-цайдамских памятников как исторического источника относится и к надписи Тоньюкука с той только разницей, что целевая установка автобиографического опуса, написанного этим крупнейшим деятелем второго каганата, была иной. С той же страстью, какая побуждала Бильге-кагана и исполнителя его воли, Йолыгтегина прославлять подвиги представителей каганского рода, Тоньюкук убеждает читателя, что без его помощи ни один каган не смог бы править государством, а все славное и дельное не обошлось без его участия и руководства. Даже то, что Ильтериш стал каганом, произошло не столько по воле божества, сколько благодаря его, Тоньюкука, желаниям и действиям (Тон., 6—7). Возможно, что строки Кошо-цайдамских надписей, описывающие возвышение и интронизацию Ильтериша как результат непосредственного вмешательства Неба, были своего рода ответом на заявление Тоньюкука — полемика между Кошо-цайдамскими памятниками и надписью Тоньюкука в каких-то пределах отнюдь не исключена⁷⁷.

Такая разница позиций при описании одних и тех же событий весьма облегчает задачу взаимной проверки Кошо-цайдамских памятников и надписи Тоньюкука. В свою очередь высокая точность информации, содержащейся в рунических памятниках, подтверждается перекрестной проверкой ее данными китайских и, как будет видно ниже, арабских источников.

Вместе с тем композиционная стройность надписей, определенная последовательность и строгая выдержанность изложения, лаконичность эпиграфического текста, обусловившая применение трафаретных обозначений и формулировок, нарушение которых означает изменение смысла фразы, единообразие этнической, политической и топонимической номенклатуры, параллелизм в построении описания однородных событий и другие особенности такого рода — все это позволяет широко применять при исследовании памятников и другой метод, основанный на анализе внутренней логики самого текста, на изучении закономерностей построения однотипных характеристик и единообразных описаний. Этот аналитический метод в отличие от широко

⁷⁷ Случаи разногласий и полемики между Бильге-каганом и Тоньюкуком отмечены и китайскими источниками; в частности Тоньюкук резко возражал против намерения Бильге-кагана принять буддизм (Бичурин, *Собрание сведений*, т. 1, стр. 274). Вообще надписи дают обильный материал для освещения различных политических течений внутри правящего класса каганата; Бильге-каган неоднократно упрекает бегов в склонности «погрешать» и «отделяться» — очевидно сепаратистские тенденции были весьма сильны. Существовала и прокитайская группировка знати, нередко апеллировавшая для достижения своих целей к помощи империи; от этой группировки, наиболее ненавистной Бильге-кагану, отмежевывается Тоньюкук: «...на этот (свой) тюркский народ я не направлял вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу» (Тон., 54). Подробнее по этому вопросу см. работы А. Н. Бернштама и С. В. Киселева.

используемых компаративистских приемов открывает возможность более интенсивного исследования, лишает основы произвольные сравнения и сопоставления, позволяет уточнить и дополнить, а иногда и полностью изменить понимание даже тех мест памятников, которые, казалось бы, уже были достаточно подробно исследованы.

Средняя Азия
в орхонских
текстах

Изучение орхонских памятников как источника для истории Средней Азии было начато Бартольд и Марквартом. Оба исследователя ограничили свои задачи сопоставлением сведений руники с некоторыми сообщениями арабских источников. Главная заслуга в этом отношении принадлежит Бартольду. В первой работе Бартольд, опирающийся на неверную хронологию (с ошибкой на десять лет), первоначально предложенную переводчиками надписей, не сделал, естественно, выводов, которые могли бы сохранить свое значение.

После открытия системы летосчисления памятников, честь которого принадлежит Бангу и Маркварту, Бартольд, критически пересмотрев как свои прежние, так и вновь предложенные Марквартом отождествления и датировки, нашел основные точки соприкосновения данных арабских источников и древнетюркских памятников⁷⁸. В последующие годы указанный аспект историографического изучения орхоники специально не разрабатывался.

Все сообщения орхонских памятников, относящиеся к истории и исторической географии Средней Азии, можно разделить на три группы.

I. Сообщения о западной границе каганата в разные периоды его истории:

1. Упоминание Железных ворот (Тăтиг қаруу) — крайнего предела расселения тюрков во времена Бумынь-кагана и Истеми-кагана (VI в.) (КТб, 2; БКб, 4).

2. Упоминание Кенгю-Тарбана (Кăңю тарбан) — западной границы второго Восточнотюркского каганата в конце царствования Капаган-кагана — до 716 г. (КТб, 21; БКб, 18).

II. Сообщения о посольствах, прибывших в ставку тюркских каганов из Средней Азии и стран, расположенных к западу от нее:

1. Упоминание народов *апар* и *апурум* (вар.: *пурум*), которые, «придя, стонали и плакали» во время похорон первых тюркских каганов (КТб, 4; БКб, 3).

2. Упоминание послов от народов «*sogd bārčäkär buqaraq ulus*» Нек-сенгуна и Огул-тархана (*näk säñün oñul tarqan*), прибывших на похороны Кюль-тегина (КТб, 52).

III. Сообщения о походах на запад, содержащиеся в памятниках. За исключением одного неопределенного упоминания,

⁷⁸ Подробнее см. гл. III.

все они содержат описания походов, предпринятых героями надписей:

1. Упоминание похода на запад до Железных ворот между 630—680 гг. (КТб, 8; БКб, 8).

2. Упоминание похода Бильге-кагана на запад с переправой через Жемчужную реку (Yänçü ügüz) и достижением Железных ворот (VIII в.) (КТм, 3—4; БКм, 3).

3. Рассказ о походе Кюль-тегина и Бильге-кагана на «алты чуб согдак» (VIII в.) (КТб, 31; БКб, 24—25).

4. Рассказ о походе Кюль-тегина и Бильге-кагана в Согд с переправой через Жемчужную реку и достижением Железных ворот (VIII в.) (КТб, 38—41).

5. Рассказ о походе Тоньюкука в Согд с переправой через Жемчужную реку и достижением Железных ворот (Тон., 43—48).

6. Рассказ о походе Кули-чура на запад с переправой через Жемчужную реку и достижением Железных ворот (КЧ, 16).

Сообщения, касающиеся тюргешей и «народа десяти стрел», особо не выделяются, так как история Западнотюркского каганата рассматривается в связи с общим ходом событий, затрагивающих как Среднюю Азию, так и Восточнотюркский каганат. Неопределенное упоминание в надписи Тоньюкука (Тон., 14) о курданах (Курдан ?), угрожавших государству Ильтериш-кагана с запада в начале 80-х годов VII в., вряд ли относится к Средней Азии. Не имеет отношения к Средней Азии и упоминание посольств *анар* и *пурум*.

Первый этноним передает самоназвание авар, точнее, судя по сведениям Феофилакта Симокатты, псевдоавар⁷⁹. Гипотеза о тождестве авар с жужанами, получившая в последние годы новое обоснование⁸⁰, очевидно, ни в коей мере не может быть применена к псевдоаварам, появившимся в восточноевропейских степях в середине VI в. и разгромленных там тюрками в 60-х годах этого столетия⁸¹. Не исключено, впрочем, что первое сообщение об аварах в греческих источниках (нападение авар на савир к северу от Кавказа в 461—465 гг.) связано с появлением в Европе собственно авар⁸². Возможно, что псевдоавары принадлежали к числу огузских племен, — Феофилакт называет их огорами⁸³. Судя по китайским источникам, сведения которых

⁷⁹ Феофилакт Симокатта, *История*, стр. 159—160.

⁸⁰ Henning, *Farewell to the khagan*, p. 501.

⁸¹ Sinor, *Autour d'une migration*, pp. 34—36; Haussig, *Quelle*, S. 21—43. О судьбе авар в Европе см. работы Н. В. Пигулевской и А. Коллаутца (Пигулевская, *Авары*, стр. 27—36; Kollautz, *Awaren*, S. 129—178).

⁸² Macartney, *On the Greek sources*, pp. 260—267; Czeglédy, *Kaukázust hupok*, pp. 121—140.

⁸³ Феофилакт Симокатта, *История*, стр. 160; о чередовании г/з в тюркских языках см. работу Л. Базена (Bazin, *Structures*, p. 14).

относятся к VII—VIII вв., племя а-бо (апар) входило в состав огузской конфедерации (теле)⁸⁴. Упомянуто имя авар (апар) и в Чарышской рунической надписи (Северный Алтай)⁸⁵.

Вопросы, связанные с разъяснением и идентификацией имени *пурум*, подробно рассмотрены в работах П. Пельо, А. фон Габэн и Б. Огеля⁸⁶. Установлено тождество этого названия с одним из вариантов наименования Римской империи, а позднее — Византии, употреблявшимся в ее восточных провинциях — *Rom* (армянское *Нгом*, среднеперсидские *Нгом*, согдийское *From*, тибетское *Phom*, китайское Фулинь). Возможно, надписи сохранили воспоминание о посольстве мечника Валентина (576 г.), принявшего участие в поминальных обрядах, устроенных каганом Турксанфом в честь незадолго до того умершего своего отца, кагана Сильзибула (Истеми-кагана)⁸⁷.

Топонимы и этнонимы, встречающиеся в перечисленных сообщениях надписей, могут быть суммированы в следующих таблицах.

ТОПОНИМИКА

Руническое написание	Транскрипция	Перевод	Упоминание	Датировка упоминания в тексте	Значение топонима в памятниках
𐰇𐰏𐰚𐰛𐰟	bänligäk taγ	Гора Бянглияк	Тон., 44	Не определена	Ставка «сына Тинси»
𐰇𐰏𐰚𐰛 𐰇𐰏𐰚	känü tar- ban	Кенгю Тарбан	БКб, 18 КТб, 21	715—716	Западная граница каганата
𐰇𐰏𐰚𐰛	soγd	Соغد	КТб, 52	732	Страна, откуда прибыл посол на похороны Кюльтегина
𐰇𐰏𐰚𐰛 𐰇𐰏𐰚𐰛	jänčü ügüz	Жемчужная река	КТм, 3 БКм, 3 Тон., 44 КЧ, 16 КТб, 39	Не определена 712—713	Восточная граница Согда
𐰇𐰏𐰚𐰛 𐰇𐰏𐰚𐰛	tämür qaruγ	Железные ворота	КТб, 2 БКб, 4	VI в.	Западная граница расселения тюрков в VI в.

⁸⁴ Hamilton, *Ouighours*, p. 2.

⁸⁵ Тенишев, *Руническая надпись*, стр. 63.

⁸⁶ Pelliot, *Not de Fou-lin*, pp. 498—500; Gabain, *Fu-lin Frage*, S. 195—197; Ögel, «*Fu-lin*» *problemi*, s. 53—87. Ср. Shiratori, *Fu-lin problem*, pp. 165—329.

⁸⁷ Менандр Протектор, *История*, стр. 421—422; Moravcsik, *Byzantinotur-cica*, Bd I, S. 275—276.

Руническое написание	Транскрипция	Перевод	Упоминание	Датировка упоминания в тексте	Значение топонима в памятниках
			КТм, 4 БКм, 3 КТб, 17 Тон., 44 КЧ, 16	Не определена	Западный предел походов Кюльтегина, Бильгекагана, Тоньюкука и Кули-чура
			КТб, 39	712—713	Западный предел похода Кюльтегина и Бильгекагана

ЭТНОНИМИКА

Руническое написание	Транскрипция	Перевод	Упоминание	Датировка упоминания в тексте	Территория
᠊᠎ᠠᠭᠠᠷᠠᠰ	kävāgās	Кенгересы	КТб, 39	712—713	Не определена
᠎ᠠᠵᠢᠯᠠᠰ	täzlk	Арабы	Тон., 45 КЧ, 16	Не определена	Согд
᠎ᠠᠲᠠᠭᠠᠷ	toqar	Тохары	Тон., 45	Не определена	Согд
᠎ᠠᠪᠠᠷᠠᠭᠠᠴ	buqaraq	Бухарцы	КТб, 52	732	Не определена
᠎ᠠᠰᠤᠳᠠᠭ	soḡdaq	Согдийцы	КТб, 39	712—713	Согд
			Тон., 46	Не определена	Согд
᠎ᠠᠯᠲᠤ ᠴᠢᠪ ᠰᠤᠳᠠᠭ	alty čub soḡdaq	Согдийцы шести чубов (?)	КТб, 31 БКб, 24	701—702	Не определена

Наиболее часто упоминаются два географических названия которые встречаются чуть ли не во всех сообщениях надписей касающихся Средней Азии, — Jāncū ügüz и Tämig saruḡ.

Отождествление названий Jāncū ügüz — «Жемчужная река» принадлежит И. Маркварту, который обратил внимание на то, что в китайском тексте Карабалгасунского памятника та же река носит название Чжень-чжу-хэ — «река истинного жемчуга», а оба

названия вместе являются переводами местного названия реки, транскрибированного в китайских источниках как *йо-ша*,* *йокшат* (Яксарт), т. е. современной Сыр-Дарьи⁸⁸. Название *Jaxartes* *Ἰαξάρτης* *Ἰαξάρται*, которое река носит в античных источниках, этимологизируется на древнеиранском языковом материале как **jaxšarta*, **jaxša-arta*, «истинный жемчуг»⁸⁹.

Однако нет оснований полагать, что так обозначалось все течение Сыр-Дарьи. В античных источниках наименование *Jaxartes* относилось первоначально к отрезку реки, где действовали отряды Александра Македонского, т. е. примерно к району между современными Ленинабадом и Ташкентом; это название восходит к местной согдийско-ферганской информации. Распространение названия Яксарт на всю реку — явление позднейшей литературной традиции.

Китайские источники в описании событий VII—VIII вв. прямо указывают, что р. Йоша именно здесь называется Жемчужной рекой⁹⁰. К этому же району относится древнетюркское *Йәнчү үзүз* (см. стр. 163). Наиболее поздние упоминания имени Яксарт (Яхшарт, Хашарт) как бытующего названия реки встречаются у Ибн Хордадбега (IX в.), ал-Мас'уди (X в.), ал-Бируни (973—1048 гг.), а также в «Худуд ал-'алам» (X в.), в контексте, подтверждающем изложенные соображения⁹¹.

Плиний (I в. н. э.) впервые отметил другое местное название реки — *Silis*: «Реку Яксарт, которую скифы называют Силисом (quod Scythae Silim vocant), Александр и его воины приняли за Танаис»⁹². Это же сообщение с важным для нас добавлением повторил частично зависимый от Плиния автор III в. н. э. Гай Юлий Солин: «По всей этой земле (имеются в виду Бактрия и Согдиана. — С. К.) с той стороны прорезывает границы река Лаксат (*lapsus salami!* — С. К.), которую называют Лаксатом одни только бактрийцы, ибо прочие скифы зовут ее Силисом (quem Laxatem soli vocant Bactri: nam alii Scythae Silim nominant). Димодамант, вождь Селевка и Антиоха, писатель довольно достоверный, переправившись через эту реку, «открыл... что эта

⁸⁸ Marquart, *Chronologie*, S. 5—6; о китайском названии реки см. работу Ф. Хирта (Hirth, *Nachworte*, S. 80—81); как установлено, тюркское *yāncū/yīncū* восходит к китайскому *chin-chu* <*t's'iēn-t's'iu (*d'incū> *jincū*~*yīncū*) (Pritsak, *Karluks*, S. 276). Первую сводку мнений, посвященную происхождению названий Сыр-Дарьи, составил А. Левшин (Левшин, *Описание*, стр. 215—264); о наименованиях реки в античных источниках см. работу А. Германа (Hermann, *Jaxartes*, S. 1181—1189).

⁸⁹ Marquart, *Chronologie*, S. 5; ср., однако: Markwart, *Skizzen*, S. 16; Markwart, *Provincial capitals of Eranšahr*, pp. 35—36; ср. замечания В. В. Бартольда (Бартольд, *К истории орошения*, стр. 160).

⁹⁰ Chavannes, *Documents*, p. 140.

⁹¹ Marquart, *Chronologie*, S. 5; Minorsky, *Hudūd al-'Ālam*, pp. 210—211.

⁹² C. Plinius Secundus, *Nat. Hist.*, Lib. VI, § 49 (цит. по изд.: Латышев, *Известия древних писателей*, ч. II, стр. 185).

иная река, чем Танаид»⁹³. Тождество форм *silis* и *sīr* не вызвало сомнений ни у Ф. Юсти, ни у Бартольда⁹⁴.

Из сообщений Плиния и Солина явствует, что реку, именуемую местным населением в ее среднем течении Яксарт, скифы (саки) — кочевники, населявшие нижнесырдарьинские и приаральские степи, именовали Силис. Ввиду крайней скудости античных и средневековых источников относительно топонимики Восточного Приаралья вполне естественно отсутствие других упоминаний названия «Сыр», имевшего узколокальное значение. В средневековой историко-географической литературе господствовал принцип обозначения реки по отдельным ее участкам именем крупнейшего города, расположенного на каждом из них (например, «река Шаша», «река Узгена» и т. п.), в связи с чем местные названия реки, за перечисленными выше исключениями, исчезают в сочинениях арабских и персидских авторов. Однако слово «сыр» как название района нижнего течения этой реки появляется не в XVI в.⁹⁵, а в XIII—XIV вв. в наименовании расположенной близ Дженда ставки сыновей и внуков Джучи — Сыр-Орда («Сыр'ская ставка», «ставка на Сыре»)⁹⁶. Таким образом, название Яксарт, впервые появляющееся в источниках, описывающих события IV в. до н. э., относится к верхнему и среднему течению Сыр-Дарьи; название «Сыр» — древнее сакское имя реки — относилось первоначально к ее нижнему течению. На протяжении более чем двух тысячелетий это название не только сохранилось, но вместе с завоеванием Средне-азиатского междуречья узбекскими кочевыми племенами приаральских степей (XV—XVI вв.) распространилось на все течение реки.

Темир капыг, Железные ворота памятников локализованы В. Томсеном, — это проход Бузгала в горах Байсун-тау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисябза⁹⁷. Впервые под тем же названием, но в китайском переводе Железные ворота упомянуты Сюань Цзаном как граница между Согдом и Тохаристаном⁹⁸. Позднее проход неоднократно упоминается в арабской и персидской литературе⁹⁹. Одно из первых упоминаний Железных ворот содержится в географическом труде ал-Йа'куби (IX в.) «Китаб ал-булдан», где проход носит персидское название Дар-и аханин, Железные ворота¹⁰⁰. Вероятно,

⁹³ С. Julius Solinus, *Collect. rerum memorabilium*, Lib. 9, § 5 (цит. по изд.: Латышев, *Известия древних писателей*, ч. II, стр. 285).

⁹⁴ Justi, *Grundriss*, Bd 2, S. 392; Barthold, *Sīr-Darja*, pp. 468—469; ср.: Нидерман, *Историческая фонетика*, стр. 99—102.

⁹⁵ Barthold, *Sīr-Darja*, p. 469.

⁹⁶ Та'рих-и Вассаф, стр. 516. О местоположении ставки см.: Тизенгаузен, *Сборник материалов*, т. II, стр. 42.

⁹⁷ Thomsen, *Inscription de l'Orkhon*, p. 137.

⁹⁸ Julien, *Memoires*, vol. 1, p. 23.

⁹⁹ Минаев, *Сведения*, стр. 58, 60, 69—70; Barthold, *Turkestan*, pp. 138, 186.

¹⁰⁰ Ал-Йа'куби, *Китаб ал-булдан*, стр. 290.

тюркское название «Темир капыг» было калькой местного топонима.

Как видно из таблиц, почти все сообщения о Средней Азии относятся к эпохе второго Восточнотюркского каганата. Лишь упоминание Железных ворот как границы расселения «тюркского народа» в VI в. и неопределенное сообщение о походах тюрков на запад во времена подчинения Китаю (630—680 гг.) выходят за рамки этого времени. Оба упоминания носят слишком общий характер и не могут быть предметом исследования по имеющемуся источнику.

хуане. При Суйской династии близ Лоб-нора, в области Шаньшань (Лоулань), был основан китайский город, покинутый после 618 г. «Кан Янь-тянь, великий вождь из царства Кан (Самарканд), пришел на восток и поселился в этом городе. Его сопровождали многие ху, так что тут стало населенное место: оно также называлось город Тянь-хэ (значение названия — „священные вместе [Кан Янь]-тянем“). Город со всех сторон окружала песчаная пустыня»¹⁰⁷. Вскоре Кан Янь-тянь основал близ Тянь-хэ еще три укрепленных селения, одно из которых называлось Путаочэн — «Город винограда»¹⁰⁸. Уже одно это название говорит о том, что поселения согдийцев быстро обрастали пашнями и виноградниками. Очевидно, колонию, основанную на караванном пути одной из аристократических семей Самарканда, населяли в основном земледельцы и ремесленники.

Несколько ранее описанных событий «торговые» согдийцы, частично смешанные с местным населением, овладели Иву (Хами). Располагая тысячью «превосходных воинов», они были достаточно самостоятельны и в зависимости от обстоятельств признавали сюзеренитет то Китая, то тюрков, то теле¹⁰⁹.

Дорога ветров Топография согдийских поселений в Центральной Азии позволяет выдвинуть гипотезу, которая, как нам представляется, могла бы раскрыть одну из причин жизнестойкости согдийских колоний в Ордосе. Путь от Дуньхуана до переправы через Желтую реку пролегал вдоль тибетской границы, в районе, который во второй половине VII в. из-за непрерывных тибетско-китайских войн перестал быть безопасным для караванов. Гарнизоны Великой стены прикрывали этот путь с севера, но именно на севере с 630 по 681 г. влияние империи было определяющим политическим фактором. В связи с этим возможно предположить, что наряду с маршрутом через Лянчжоу существовал еще один караванный путь, который в новой европейской и американской географической литературе получил название «Дороги ветров».

Подробное описание «Дороги ветров» содержится в отчетах экспедиций Р. Эндрьюса и О. Лэттимора; часть этого маршрута прошел в 1878—1879 гг. русский путешественник М. В. Певцов. Дорога пролегла по южной окраине Гоби, вдоль склонов Гобийского Алтая и Восточного Тянь-шаня. В XIX в. этот путь, начинавшийся близ северо-восточной границы Ордоса, в Кукухото (Гуйхуачэн), являлся «прямым коммерческим трактом»¹¹⁰. По измерению Лэттимора, путь от Кукухото до Гучена в Восточном Туркестане (в 30 км к востоку от древнего Бешбалыка)

¹⁰⁷ Giles, *Chinese geographical text*, p. 827.

¹⁰⁸ Ibid., pp. 829—830.

¹⁰⁹ Pulleyblank, *Sogdian colony*, p. 350.

¹¹⁰ Певцов, *Очерки путешествия по Монголии*, стр. 67.

равен 1587 милям, т. е. почти не превышает по длине пути вдоль Наньшаня; караван Лэттимора затратил на дорогу около четырех месяцев¹¹¹. В то же время, по характеристике Эндрьюса, «дорога ветров — естественный путь в Туркестан, так как позволяет использовать подземные воды и прекрасные пастбища Алтая и обходит с севера Великое песчаное море»¹¹².

Караванная дорога по этому маршруту обозначена на тангутской карте XI в., изданной и интерпретированной Е. И. Кычановым¹¹³. В северо-западной части излучины Желтой реки дорога сворачивала в Ордос и вела в Центральный Китай. Путь через Ордос был самым удобным — до Юаньской династии крупнейшие центры империи и обе ее столицы локализовались в провинциях, расположенных к югу и юго-востоку от Ордоса. Другое сообщение о пути через Ордос, относящееся в X в., содержится в письме семи буддийских наставников (ачарья) из Индии, направлявшихся в Китай через Шачжоу — Шофан. По дороге пилигримы были ограблены уйгурами и написали жалобу, доставленную китайскому наместнику в Шачжоу¹¹⁴.

Наконец, использование этого маршрута согдийцами в более позднее время отмечено в сообщении Джувейни (XIII в.) о г. Самарканде, расположенном в семи днях пути к северу от Бешбалыка. По мнению Бартольда, «это известие указывает на существование согдийской колонии в Западной Монголии»¹¹⁵.

Учитывая приведенные выше соображения, не исключено, что северный путь в Китай существовал уже во второй половине VII в. Однако не «Дорога ветров», а иные причины оказали решающее влияние на возникновение и судьбу согдийских колоний в северных районах Центральной Азии.

Тюрки

Торговля шелком Принято считать, что первые контакты между согдийцами и тюрками начались со времени завоевания последними Средней Азии, в 60-х годах VI в. Общность интересов в транзитной торговле шелком способствовала прочности завязавшихся связей — тюркские ханы нашли покупателя для награбленного в Китае шелка, а согдийские купцы при содействии каганов вывозили драгоценный товар в Иран и Византию.

Действительно, торговля шелком приносила огромные доходы согдийским купцам; свою долю в виде налогов получали

¹¹¹ Lattimore, *Desert road*, pp. 303—326.

¹¹² Andrews, *The new conquest of Central Asia*, p. 369.

¹¹³ Кычанов, *Китайский рукописный атлас*, стр. 210 и карта.

¹¹⁴ Bailey, *Seven princes*, p. 624.

¹¹⁵ Бартольд. *О языках согдийском и тохарском*, стр. 35; ср.: Barthold, *Historische Bedeutung*, S. 4.

и их тюркские сюзерены. Однако новые открытия ставят под сомнение безоговорочное определение этой торговли как «транзитной» — согдийцы вывозили в страны Запада не только китайские шелка, но и шелковые ткани среднеазиатского производства¹¹⁶; более того, согдийские ткани были распространены и высоко ценились в Восточном Туркестане и Китае¹¹⁷.

Шелкоткацкое производство появилось в странах Западной Азии (Иран, Сирия) и в Египте еще в первые века нашей эры, но его основой долгое время были импортируемые из Китая шелк-сырец и шелковая пряжа¹¹⁸. Прокопий Кесарийский пишет: «Платья из шелка-сырца в Берите (Бейруте) и Тире, городах Финикии, выделявались издревле. Там издавна жили торговцы, хозяева мастерских и ремесленники, и отсюда товар распространялся по всей земле»¹¹⁹. Искусство разведения шелковичного червя (шелкопряда) было заимствовано в Средней Азии из Хотана не ранее начала V в.¹²⁰, однако еще до начала VI в. оно распространилось не только в Фергане и Согде, но и в Мервском оазисе и Гургане у юго-восточного побережья Каспийского моря¹²¹. В VI в. в Иране и Византии уже появляется свой шелк-сырец. По мнению иранского исследователя Таки Бахрами, Иран является родиной одного из видов шелковичного червя¹²²; на возможность аборигенного происхождения шелковичного червя в Иране и Средней Азии указывал и Б. Лауфер¹²³. Однако точных сведений о разведении там шелкопряда для получения грены и шелка-сырца до V в. нет.

В VI в. шелкоткацкое производство Согда, развившееся в конце IV в.¹²⁴, обеспечивалось местным сырьем. В VII—VIII вв. техника изготовления узорных шелковых тканей достигла там значительных успехов¹²⁵, но уже в VI в. производство шелка

¹¹⁶ Кусок такой ткани с согдийской надписью VII—VIII вв., хранящийся в соборе г. Юи (Бельгия), недавно определен Д. Шеперд и В. Хеннингом (Shepherd and Henning, *Zandaniji identified?*, pp. 15—40; см. также: Белецкий, Бентович, *Из истории среднеазиатского шелкоткачества*, стр. 68—78).

¹¹⁷ Laufer, *Sino-Iranica*, pp. 488—502; Stein, *Innermost Asia*, vol. I, pp. 79—80; *On ancient Central-Asian tracks*, p. 269; Шишкин, *К вопросу о древних культурных связях*, стр. 25. Ср. также термин *рг'упк* (разновидность шелковой ткани) в документах из Ниш (I—III в. н. э.) (Henning, *Two Central Asian words*, pp. 150—157).

¹¹⁸ Sarasin, *Die Seidenstrassen*, S. 96; Пигулевская, *Города Ирана*, стр. 225—228.

¹¹⁹ Цит. по пер. Н. В. Пигулевской (Пигулевская, *Города Ирана*, стр. 227).

¹²⁰ Laufer, *Sino-Iranica*, p. 537.

¹²¹ Массон, *Из истории распространения шелкопряда*, стр. 47—51.

¹²² Петрушевский, *Земледелие в Иране*, стр. 166.

¹²³ Laufer, *Sino-Iranica*, pp. 537—539.

¹²⁴ Пигулевская, *Византия на путях в Индию*, стр. 201.

¹²⁵ Винокурова, *Ткани из замка на горе Муг*, стр. 32. Весьма развиты в Согде были и другие виды текстильного производства; в изготовлении хлопчатобумажных тканей, пользовавшихся большим спросом среди ко-

настолько выросло, что сбыт превратился для согдийцев в острейшую проблему. Это обстоятельство в значительной мере объясняет настойчивость, с которой глава тюрко-согдийского посольства Маниах добивался торгового соглашения в Ктезифоне и Константинополе¹²⁶. В одной из своих неопубликованных работ Бартольд отмечает, что Византия, как и Иран не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов¹²⁷. Именно этот аспект внешней политики константинопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения.

Связи с согдийцами после распада Тюркской империи в 603 г. сохранил не только Западнотюркский каганат, контролировавший большинство государств Средней Азии. Начало VII в. отмечено ростом влияния согдийцев в Восточнотюркском каганате. Более того, есть основание полагать, что контакты между согдийцами и тюрками установились задолго до образования каганата. Однако, чтобы наметить первые этапы тюрко-согдийских связей, необходимо пересмотреть сложившиеся представления о происхождении племени тюрк и его ранней истории.

Тюркские легенды

Наряду с собственно историческими свидетельствами о ранней истории племени тюрк, основанными на повседневных официальных записях («ежедневных хрониках») и текстах документов, в Чжоу шу, Бэй ши и Суй шу воспроизведены две племенные генеалогические легенды, записанные со слов тюркских информаторов; наиболее полно текст легенд сохранен в Чжоу шу, где отмечается, что легенды рассказаны разными лицами, очевидно, в разное время. Анализ сообщений обеих легенд показал имеющуюся в них реалистическую основу, историографическая ценность которой в настоящее время представляется несомненной¹²⁸.

Согласно первой легенде, предки тюрков, жившие на краю большого болота (по Бэй ши и Суй шу — на правом берегу *Си хай* — «Западного моря») ¹²⁹, были истреблены воинами соседнего племени (по переводу Б. Огеля — «воинами государства

чевников, Средняя Азия долгое время занимала монопольное положение, и лишь в IX—X вв. хлопок был перенесен отсюда в Китай (Бартольд, *Хлопководство в Средней Азии*, стр. 15).

¹²⁶ Doblhofer, *Byzantinische Diplomaten*, S. 132—135; Хенниг, *Неведомые земли*, т. II, стр. 90—91. Об усилении торговых связей с Византией после посольства Маниаха см.: Ставиский, *О международных связях Средней Азии*, стр. 112.

¹²⁷ Бартольд, *Очерк истории Туркестана*, л. 33.

¹²⁸ Аристов, *Заметки*, стр. 4—6; Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 494; Кызласов, *Тува в период Тюркского каганата*, стр. 70.

¹²⁹ Liu Mau-tsai, I, S. 40; II, S. 488. В сравнительно позднее время (VI—VIII вв.) название *Си хай* — «Западное море» использовалось для обозначения Аральского и Каспийского морей (Franke, *Geschichte*, Bd II,

Линь», которых он отождествляет с одним из сяньбийских племен) ¹³⁰.

В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик, которого спасла от голодной смерти волчица, ставшая его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших и мальчика — последнего из истребленного племени, — волчица бежит в горы севернее Гаочана (Турфанский оазис).

Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана и создают свои роды; один из сыновей носит имя Ашина, и его имя становится именем его рода. Ашина, который оказался способнее своих братьев, стал вождем нового племени. Впоследствии число родов увеличилось до нескольких сот. Вождь племени, один из наследников Ашина, Асянь-шад ¹³¹ вывел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае (Циньшань), где они становятся подданными жуань-жуаней, добывая и обрабатывая для них железо.

На Алтае племя принимает наименование *түрк*, которое согласно легенде, связано с местным названием Алтайских гор ¹³².

По второй легенде, предки племени *түрк* происходят из владения Со, которое локализуется Н. А. Аристовым в районе

S. 235; Liu Mau-tsai, II, S. 488, 495). В первой половине I тысячелетия н. э. это же название применялось к оз. Куку-нор и области на границе Западного Цинхая (Ся Най, *Сасанидские серебряные монеты*, стр. 109). Однако благодаря исследованиям Р. Матера возможно сравнительно уверенно локализовать район Си хай применительно к IV—V вв. — это район в обширной дельте р. Эдзин-гол, протоки которой впадают в озера Гашун-нор и Согонор, окруженные множеством озер и солончаковыми болотами; в указанное время округ Си хай был частью провинции Лян, включавшей большую часть Ганьсу, Турфанскую депрессию на северо-западе, Синин на юге (Mather, *Biography of Lü Kuang*, pp. 75, 88; Негтманн, *Atlas*, pp. 22, 30—31). О датировке описываемых событий см. выше. Описание низовий р. Эдзин-гол см. в работах Козлова и Обручева (Козлов, *Монголия и Амдо*, стр. 71—73; Обручев, *Центральная Азия*, стр. 398—399).

¹³⁰ Ögel, *Doğu göktürk*, s. 84—88, 103—104.

¹³¹ Liu Mau-tsai, I, S. 40. (Суй шу, цз. 84); Б. Огель, рассматривая начальное *a-* в слове *асянь* как сокращение родового имени ашина, определяет *сянь* как китайскую кальку тюркского *bilge* «мудрый» (Ögel, *Doğu göktürk*, s. 112).

¹³² Liu Mau-tsai, I, S. 5 (версия Чжоу шу, цз. 50); ср. Бичурин, *Собрание сведений*, т. 1, стр. 220—221 (версия Синь Тан шу, цз. 215). И. Маркварт без каких-либо аргументов относит эту легенду только к западным тюркам; по его мнению, в ней отражен процесс преобразования одного из болгарских племен в западнотюркский племенной союз, происходивший на Северном Кавказе в позднегуннскую эпоху; сближая тюркскую и усуньскую генеалогические легенды, Маркварт относит усуней к гуннским племенам (Markwart, *Analekten*, S. 94—95). Подробнее об этимологии этнонима *түрк* см.: Кононов, *Опыт анализа термина түрк*, стр. 40—47.

владения р. Лебеди в р. Бию, на северных склонах Алтая¹³³. Глава племени, Абанбу, имел семнадцать братьев, один из которых, Ичжинишиду, назван «сыном волчицы». Владение Со было уничтожено врагами, а спасшиеся роды рассеялись. Благодаря сверхъестественным способностям «сына волчицы» Ичжинишиду его род оказался в наиболее благоприятном положении. Один из его сыновей стал «белым лебедем», что, по толкованию Н. А. Аристов, должно означать р. Лебедь¹³⁴. Другой сын основал владение Цигу¹³⁵, расположенное между реками Афу и Гянь (Абакан и Кем, т. е. Енисей)¹³⁶. Третий сын правил на р. Чжучже, а старший сын, Нодулу-шад, поселился в Цзянсы Чжучжеши (вариант: Басычусиши)¹³⁷. К роду Нодулу-шада присоединился и собственный род Абанбу. Нодулу-шад имел десять жен, сыновья которых носили родовые имена матерей¹³⁸. Сыном его младшей жены был Ашина. После смерти Нодулу-шада его сыновья решили, что вождем племени станет тот из них, кто окажется более сильным и ловким, чем другие. Победил в состязании Ашина, который, став вождем, принял имя Асянь-шад¹³⁹. Ему наследовал его сын или племянник Туу. Сын Туу — Тумынь, Бумын рунических текстов, стал основателем каганата¹⁴⁰.

Автор раздела о тюрках в Чжоу шу отмечает, сравнивая обе легенды: «Хотя это сообщение отличается от другого (т. е.

¹³³ Аристов, *Заметки*, стр. 279; также см.: Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 494. Лю Мао-цзай и Б. Огель идентифицируют владение Со с таким же именем одного из сяньбийских племен (Liu Mau-tsai, II, S. 489; Ögel, *Doğu göktürk*, s. 103—104).

¹³⁴ Аристов, *Заметки*, стр. 279—280. Население этого района еще в XIX в. называло себя кукижи «лебединцы, люди (реки) Лебеди» (Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 212).

¹³⁵ Один из вариантов этнонима кыргызы (Wittfogel and Fêng Chia-shêng, *History of Chinese society*, p. 105). отождествление цигу с народом чик, упомянутым в надписи Бильге-кагана (БКб, 26), предложили Грумм-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия*, т. II, стр. 311) и Кызласов (Кызласов, *Тува в период тюркского каганата*, стр. 70).

¹³⁶ Hirth, *Nachworte*, S. 42—43; Hambis, *Notes sur Käm*, pp. 281—300.

¹³⁷ Бичурин, *Собрание сведений*, т. I, стр. 222. Локализация обоих топонимов крайне затруднительна. По Аристову, это р. Чуя и прилегающий горный район (Аристов, *Заметки*, стр. 280). Лю Мао-цзай условно отождествляет упомянутые горы с Западным Саяном (Liu Mau-tsai, II, S. 489—490).

¹³⁸ С. В. Киселев отмечает, что свидетельство о сохранении у тюрков счета родства по материнской линии «особенно убеждает в том, что в основе разбираемых легенд лежат некогда бывшие реальными события и представления» (Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 494). Этнографический аспект обеих легенд подробно рассмотрен Б. Огелем (Ögel, *Doğu göktürk*, s. 105—109); ср. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, стр. 137—138).

¹³⁹ Liu Mau-tsai, I, S. 5—6.

¹⁴⁰ По Тан шу, цз. 215: «Прародителем западных тюрков был Туу, внук Нодулу. Он прозывался великий ябгу. Тумынь был старший сын Туу» (Liu Mau-tsai, II, S. 490). Следовательно, Асянь-шад, сын Нодулу, мог быть отцом или дядей Туу.

от первой легенды. — С. К.), они совпадают в том, что тюрки происходят от волчицы»¹⁴¹. Однако этим не ограничивается сходство обоих вариантов генеалогического мифа тюрков. И в той и в другой легенде говорится о гибели племени (владения), к которому принадлежали отдаленные предки тюрков, о бегстве (расселении) того (тех), кто спасся, о первоначальном десятиродовом составе племени (в одном случае — по числу сыновей волчицы, в другом — по числу жен внука волчицы, сыновья которых носили родовые имена матерей), о выдающейся роли Асянь-шада в истории племени, о сравнительно позднем возникновении этнонима тюрк, который принимает род ашина и подвластные ему роды. В остальном обе легенды фиксируют внимание на частных моментах этой эпопеи, различно освещенных в каждой из них. Возможно предположить, что здесь скорее следует видеть два варианта одной легенды, воспроизведенных разными хронистами, чем две самостоятельные по своему происхождению легенды.

Последние гунны Исторические сведения, относящиеся к «до-алтайскому» периоду существования племени тюрк, наиболее полно переданы в Суй шу: «Предками туцзюэ были смешанные ху Пинляна. Их родовое прозвание было ашина. Когда северовэйский император Тай У-ди уничтожил Цзюй-цзюй (439 г.), Ашина (вождь племени) с пятьюстами семей бежал к жу-жу (жуань-жуаням). Они (племя ашина) жили из рода в род у гор Циньшань (Алтай) и занимались обработкой железа» (Суй шу, цз. 84)¹⁴². Сообщение Суй шу тесно связывает раннюю историю племени тюрк (ашина) с историей позднегуннских государств, существовавших на территории Китая в 308—460 гг.¹⁴³.

После распада Ханьской империи (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) во внутренние районы Китая началось массовое переселение варварских племен — гуннов (преимущественно тюркоязычные племена)¹⁴⁴, сяньби (конгломерат тюркоязычных и

¹⁴¹ Liu Mau-tsai, I, S. 6.

¹⁴² Liu Mau-tsai, I, S. 40; Цзычжи туцззянь, цз. 159; «Предки тюркского дома Ашина произошли от смешанных ху-ских родов, прежде кочевавших в Пинляне» (по переводу Зуева, *К этнической истории усуней*, стр. 14). В других династийных хрониках подчеркивается генеалогическое родство туцзюэ (тюрков) с сюнну (гуннами). Словом ху в ханьскую эпоху называли прежде всего гуннов. Однако в IV—V вв. под ху понималось преимущественно местное население Восточного Туркестана и прилегающей части Ганьсу. По объяснению Лю Мао-цзая, «смешанные ху» — «варвары, смешанные в этническом отношении с другими варварами» (Liu Mau-tsai, II, S. 519). По контексту приведенного сообщения, речь идет о гуннах, смешанных с местным населением названной части Ганьсу.

¹⁴³ Cordier, *Histoire*, t. I, pp. 340—384; Franke, *Geschichte*, Bd II, S. 117—250; McGovern, *Early empires*, pp. 311—355.

¹⁴⁴ О языке позднегуннских племен Центральной Азии см.: Ramstedt, *Stellung des Tschuwassischen*, S. 30—31; Bazin, *Texte prototurs*, pp. 208—

монголоязычных племен)¹⁴⁵, ди и цянов (тангуто-тибетские племена)¹⁴⁶, цзе (одно из ираноязычных юечжийских племен)¹⁴⁷.

Только между 276 и 289 гг. в провинции Хэбэй, Шаньси и Шэньси переселилось более 400 тыс. гуннов и сяньби; в Гуаньчжуне поселилось более 500 тыс. ди и цянов, что составило половину населения этого района¹⁴⁸. Переселившиеся в Китай племена сохранили свою военную и племенную организацию, свой образ жизни, язык и обычаи, хотя сильнейшее китайское влияние на их общественный строй и культуру несомненно; они активно участвовали в политической борьбе, происходившей в Китае, а в начале IV в. выступили как самостоятельная сила.

В 308 г. шаньюй гуннских племен Шаньси Лю Юань, носивший до 304 г. титул князя Хань, провозгласил себя императором¹⁴⁹. В 311 г. его сын Лю Цун осадил столицу Цзиньской империи — Лоян. Драматические события, последовавшие за взятием города, нашли отражение в одном из интереснейших

219. Дискуссия: Gabain, «Der Islam», Bd 29, 1950, S. 244—246; P. Demieville, TP, vol. 39, 1950, livr. 4—5, pp. 356—357; Benzing, *Das Hunnische*, S. 685—687. Ср. также: Németh, *Hunlarin dili*, S. 106—144; Ligeti, *Mots de civilisation de Haut Asie*, pp. 141—188; Constantin, *Were the «Hiung-nu»*, pp. 317—323. О происхождении этнонима см.: Pritsak, *Xun*, S. 27—34; Maenchen-Helfen, *Ethnic name Hun*, pp. 233—238; *Archaistic names*, pp. 249—261.

¹⁴⁵ Eberhard, *Çin'in şimal komşuları*, s. 45—46; Bazin, *Appartenances linguistiques*, pp. 129—138. Существуют и крайние точки зрения; так, Г. Шрейбер полагает, что сяньби были в целом тюркоязычны (Schreiber, *Das Volk der Hsien-pi*, S. 145—203). Напротив, по мнению Л. Лигети, сяньби принадлежали к группе монголоязычных племен (рец. на кн.: Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, — ВЯ, 1955, № 5, стр. 137—138; ср. Clauson, *Turk*, pp. 105—123).

¹⁴⁶ Morse and Yen, *Ancient ethnic groups*, pp. 107—130; Thomas, *Nam*, pp. 52, 57.

¹⁴⁷ Яо Вэй-юань, *Исследование о фамилиях ху при Северных династиях*, стр. 355—358. Это племя, часто ошибочно отождествляемое с гуннами (Грум-Гржимайло, *Западная Монголия*, т. II, стр. 15; Maenchen-Helfen, *Huns*, pp. 222—243), было в значительной степени уничтожено в 349 г. по приказу князя династии Чжао (Северная Хэнань) Ши Миня, причем «воины цзе опознавались по высоким носам и густым бородам». Перенесение отмеченных соматических признаков на центральноазиатских гуннов послужило одним из оснований шаткой гипотезы о «европеоидности» азиатских гуннов в отличие от «монголоидных» гуннов, появившихся на Западе в IV—V вв.; антропологические исследования, осуществленные Л. Бартучем, З. Такачем (Takacs, *On the Hsiung-nu figure*, pp. 274—276) и Г. Ф. Дебецом (Дебец, *Палеоантропология СССР*, стр. 120—123; там же — о результатах работ Л. Бартуча), показали единство иконографического типа и палеоантропологического материала из гуннских погребений Венгрии, Забайкалья и Монголии, принадлежность которого к палеосибирскому типу азиатского расового ствола, по мнению специалистов, не вызывает сомнений.

¹⁴⁸ Шан Юэ, *Очерки по истории Китая*, стр. 134.

¹⁴⁹ Eberhard, *Liu Yüan ve Liu Ts'ung*, s. 3—72; Franke, *Geschichte*, Bd II, S. 40—53.

документов, написанном очевидцем, — письме согдийского купца Нанайвандака¹⁵⁰.

Вскоре Цзиньская империя (280—316 гг.) перестала существовать, и лишь на юге страны, в бассейне Янцзы, полководец Сыма Жуй удержал власть и основал династию Восточная Цзинь (317—420 гг.). Созданная Лю Юанем династия Раннее Чжао (316—329 гг.) была уничтожена юечжийским племенем цзе (династия Позднее Чжао, 319—350 гг.). На территории Северного Китая возникло несколько эфемерных варварских государств, находившихся в состоянии постоянной войны друг с другом. Время с 304 по 439 г. в традиционной китайской историографии получило название периода «шестнадцати варварских государств пяти северных племен»¹⁵¹.

Племя ашина В конце IV в. усилилось одно из сяньбийских племен на северо-востоке Китая — тюркоязычные табгачи (китайское тоба, древнетюркское *tabgač*, греческое *Ταυγᾶστ*, арабское *تامغاج* тамгадж)¹⁵². В 386 г. их вождь Тоба Гуй основал династию Северное Вэй (386—532 гг.), объединившую под своей властью весь Северный Китай (439 г.)¹⁵³. К концу V в. династия и племя табгач почти полностью ассимилировались в китайской этнической среде. В рунических надписях этим именем называлось коренное население Китая. В 431—439 гг. вэйский император Тай У-ди (424—452) овладел двумя последними гуннскими государствами на территории Китая — царством Ся (407—431 гг.) в Шэньси и Пиньяне и царством Лян (401—439 гг.) в Хэси¹⁵⁴. С этими двумя царствами и связано первое упомина-

¹⁵⁰ Henning, *Sogdian ancient letters*, pp. 601—615. В этом документе племена, захватившие Лоян, названы (-xūp ~ hūp); поскольку тождество этих племен с сюнну (hsiang-pu) китайских источников несомненно, согдийские «старые письма» впервые воспроизвели имя центральноазиатских гуннов, записанное не иероглифическим, а алфавитным письмом. В согдийских текстах с горы Муг этноним *γwp* обозначает восточных тюрков (Лившиц, *Согдийский посол*, стр. 103). Маловероятно, что здесь имеет место сохранение «традиции китайских источников». Такая традиция действительно существовала в официальной китайской историографии, где в некоторых случаях этноним сюнну фигурировал как синоним имени *туцзюе* (Liu Mau-tsai, II, S. 778). Однако неясно, как эта литературная китайская традиция могла повлиять на сугубо частную переписку мелких согдийских владельцев начала VIII в. Если отождествление *γwp* мугского документа В-17 с восточными тюрками оправдано, не будет ли более правильным предположить существование местной согдийской традиции (литературной и изустной), основанной на давнем (IV в.) знакомстве с одним из гуннских племен Хэси-Гаочана, впоследствии получившим известность под именем *түрк*. О термине *γwp* в мугских документах ср. также: Боголюбов и Смирнова, *Согдийский документ, Б-1*, стр. 127.

¹⁵¹ Шан Юэ, *Очерки по истории Китая*, стр. 34.

¹⁵² Pelliot, *Nom de Chine*, p. 731; Bazin, *T'o-pa*, pp. 228—329; Moravcsik, *Byzantinoturcica*, Bd II, S. 302—303; Minorsky, *Sharaf al-Zamān*, pp. 18, 63, 96; Pritsak, *Karachaniden*, S. 20.

¹⁵³ Eberhard, *Das Toba-Reich*.

¹⁵⁴ Franke, *Geschichte*, Bd II, S. 180—200.

ние племени ашина в китайской историографической литературе¹⁵⁵.

Проникновение гуннов в Пиньян и Хэси началось в первой половине II в. до н. э. Оттеснив на запад, в Семиречье и Среднюю Азию, автохтонное население — юечжей и усуней, — гунны, однако, не удержались на захваченной территории — начавшаяся в годы правления У-ди (140—87 гг. до н. э.) китайская колонизация Хэси и бассейна Тарима вынудила их отступить на север¹⁵⁶.

Миграция юечжийских и усуньских племен не была полной — еще в V в. н. э. некоторые из них упоминаются в пределах древней племенной территории¹⁵⁷. В 25—55 гг. н. э. в Хэси под защиту Великой стены бегут многие роды разгромленных гуннами динлинов, ухуань и сяньби¹⁵⁸. Массовое переселение гуннских племен в этот район началось в 265 г., когда «на границе за Великой стеной (роды) Дашуй, Сайни, Хэнаньские и другие, 20 000 с лишком семейств приняли (китайское) подданство. Император, приняв их, отправил на местожительство в Хэси под древний город Иян, и затем снова (они) смешались с цзиньскими людьми. Затем в Пинян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандин, Лопин, во всех округах не было (округа), где не было бы гуннов»¹⁵⁹.

¹⁵⁵ Gabain, *Beziehungen*, S. 14—18; Ögel, *Doğu göktürk*, s. 92—93. Несколько обособлена гипотеза Мустафы Кёймена, связывающего происхождение племени түрк с одним из наиболее известных гуннских племен — тугэ (t'uko); само название этого племени М. Кёймен рассматривает как вариант этнонима түрк (Köymen, *T'u-ko kabilesi*, s. 51—59). Это племя, переселившееся в Северный Китай в IV в., вскоре было причислено, как и некоторые табгачские племена (роды?), к числу китайских аристократических фамилий; в VII в. вожди племени находились в родственных отношениях с Танским императорским домом (618—907 гг.); отдельные роды тугэ упоминаются в источниках эпохи Сун (960—1279 гг.). По мнению Прицака, этноним тугэ тождествен доуло болгарского княжества именника (Pritsak, *Bulgarische Fürstenliste*, S. 64).

¹⁵⁶ Franke, *Geschichte*, Bd I, S. 329—357; о первоначальных племенных территориях юечжей и усуней см.: Haloun, *Zur Ue-tsi-Frage*, S. 290—297. Отождествление юечжи-тохары, выдвинутое еще Дегинем (Deguines, *Histoire générale des Huns*, vol. I, p. 97), в настоящее время можно считать общепринятым (Умняков, *Тохарская проблема*, стр. 181—193; Умняков, *Тохары*, стр. 15—22; Maenchen-Helfen, *Jüeh-chih problem*, p. 77; Бернштам, *Новые работы*, стр. 134—138). Проблема атрибуции тохарского языка чрезвычайно сложна и не может считаться решенной (ср.: Фрейман, *Тохарский вопрос*, стр. 123—135; В. В. Иванов, *Тохарские языки*; ср. Henning, «Tocharian» language, pp. 158—162). По мнению Х. Бэйли, юечжи (yüe-chi) — транскрипция иранского *garčik* «горец» (Bailey, *Ariaca*, pp. 533—536).

¹⁵⁷ Haloun, *Zur Ue-tsi-Frage*, S. 280, 284—285, 293—297; Liang-chou rebellion, pp. 119—132; Chavannes, *Les pays d'Occident*, pp. 527—528. Бэйли отмечает участие юечжийских племен в событиях IX в., происходивших в Ганьсу (Bailey, *Ariaca*, pp. 535—536).

¹⁵⁸ Chavannes, *Les pays d'Occident*, d'après le *Wei-liao*, p. 525.

¹⁵⁹ Цзянь шу, цз. 97. Перевод А. Н. Бернштама (Бернштам, *Очерк истории гуннов*, стр. 220).

После распада Цзиньской империи в Хэси и Гаочане утвердилась китайская династия Раннее Лян. В 376 г. Северный Китай на несколько лет был объединен династией Раннее Цинь, но уже в 385 г. полководец этой династии Люй Гуан создал в Хэси независимое царство Позднее Лян (385—403 гг.), протекторат которого распространялся на Гаочан и некоторые другие оазисы Таримского бассейна¹⁶⁰. К началу V в. гунны Ордоса, возглавленные племенем хэлянь, захватили северную часть Шэньси и Пиньян. Их вождь, Хэляньбобо, создал здесь царство Ся (407—431 гг.), последний государь которого погиб в борьбе с сяньбийским племенем тугухунь, а земли были захвачены вэйским императором Тай У-ди. Племя хэлянь и примыкавшие к нему гуннские племена частью подчинились табгачам, частью бежали на запад, в Хэси, где в 397—401 гг. гуннским князем Цзюйцюй Мэнсюнем была основана династия Северное Лян (территория Хэси и Гаочан). В 439 г. Тай У-ди захватил Хэси, но двое из сыновей Мэнсюна — Ухой и Аньчжоу — с 10 тыс. семейств бежали в Шаньшань (район Лобнора), а затем в Гаочан, где, опираясь на союз с жуань-жуанями, продержались до 460 г. В 460 г. этот союз был нарушен; по сообщению «Цзычжи тунцзянь», «жуань-жуани напали на Гаочан, убили Цзюйцюй Аньчжоу и уничтожили род Цзюйцюев»¹⁶¹.

Сведения о связях племени ашина с гуннскими племенами Пиньяна и Хэси в сопоставлении с тюркскими генеалогическими легендами делают весьма вероятным предположение, что это племя иммигрировало в Ганьсу после 265 г., в период массового переселения за Великую стену гуннских и зависимых от гуннов племен Центральной Азии и Южной Сибири. Возможно, что до переселения в Пиньян и Хэси племя населяло район Си хай (низовья р. Эдзин-гол), как об этом свидетельствует одна из тюркских генеалогических легенд. За время обитания в Пиньяне и Хэси племя ашина восприняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного некитайского и негуннского населения страны («смешанные ху»; ср. мотив женитьбы на турфанских женщинах в первой легенде). После разгрома государства Цзюйцюев в Хэси ашина вместе с Ухоем и Аньчжоу бежали в Гаочан, где вскоре (после 460 г.) попали под власть жуань-жуаней и были переселены к южным отрогам

¹⁶⁰ Mather, *Biography of Lü Kuang*, pp. 1—141.

¹⁶¹ Franke, *Geschichte*, Bd III, S. 298—299; Miller, *Accounts of Western nations*, pp. 5, 17—19. Наиболее детально история турфанских Цзюйцюев рассмотрена в работе В. Фухса (Fuchs, *Turfangebiet*, S. 138—142). Имя Цзюйцюй восходит к гуннскому титулу, наследственному в роду Мэнсюна (McGovern, *Early empires*, pp. 353—354). Опыт этимологии и реконструкции титула см. в работах Хирта и Миллера (Hirth, *Hunnenforschungen*, S. 88; Miller, *Addenda*, p. 281).

Алтая. Согласно обеим легендам, только после переселения на Алтай племя приняло наименование тюрк, а старое название племени стало династийным именем правящего рода.

**Турфанское
наследство**

Предложенная реконструкция ранней истории племени ашина (тюрк) позволяет наметить новый подход к решению проблемы начальных контактов этого племени с индоевропейским населением Восточного Туркестана и Западного Китая. В течение первого периода своей истории — ганьсуйско-гаючанского (III в. н. э. — 460 г.) — предки ашина обитали на территории, где преобладали иранские и «тохарские» языки. Именно здесь возникает само племя ашина, этническое смешение которого с автохтонным населением района отмечено и китайской историографией, и тюркскими генеалогическими легендами. В этой связи интересны лексические реликты в языке ашина, точно датируемые временем до образования каганата. К их числу относятся название тотема ашина — волка, два титула, которые носили предки основателя каганата Бумыня, и сам этноним ашина.

Китайские источники сохранили одно слово из языка гуннского племени хэлянь — предков ашина: *фули*, тюрк. *bögi* «волк»¹⁶². Еще В. Банг заметил, что «слово *bögi* не может быть разъяснено с помощью тюркологических средств»¹⁶³. Но уже к этому времени были известны индо-иранские прототипы древнетюрк. *böri*: согд. *wyrk*, авест. *vəhrka*, древнеперс. *vṛkāna*, хотано-сакское *birgga*, осетинское (resp. аланское?) *bīrāγ; berāγ*¹⁶⁴.

Первый вождь ашина, с именем которого связано, по одной традиции, само образование племени, а по другой — переселение племени из Восточного Туркестана на Алтай, Асянь, носил титул *šad*; титул его сына, Туу, также верховного вождя ашина, был *jabγu*. К настоящему времени иранские этимологические связи обоих титулов достаточно разъяснены; известны также их юечжийские (кушанские) и эфталитские прототипы: согд. *'xsyd* в первом случае, кушанское (сакское) *yavuga* (< *yam-* «предводительствовать, возглавлять») — во втором¹⁶⁵.

Весьма интересна, хотя вряд ли может быть сейчас решена до конца проблема происхождения самого имени ашина. П. Будберг хочет видеть здесь монгольское **ar činoa (čingā)* «десять волков», однако его реконструкция филологически неоправдана¹⁶⁶. Необоснованно и сближение этнонима ашина с этнонимом

¹⁶² Gabain, *Beziehungen*, S. 21; ср.: Bazin, *T'o-pa*, pp. 247, 248, 317.

¹⁶³ Bang, *Über die türkischen Namen*, S. 129.

¹⁶⁴ Korsch, *Türkische Etymologien*, S. 199—200; Pritsak, *Bulgarische Fürstenliste*, S. 93—94; Абаев, *Историко-этимологический словарь*, стр. 262—263; Щербак, *Грамматический очерк*, стр. 72.

¹⁶⁵ Gabain, *Alltürkische Grammatik*, S. 336; Bailey, *Languages of the Saka*, p. 136; Смирнова, *Заметки*, стр. 65.

¹⁶⁶ Boodberg, *T'o-pa Wei*, p. 182.

усунь¹⁶⁷. Возможно, имя ашина выступает, как полагает З. В. Тоган, в родовом имени хазарского Тархан-хакана, отмеченном «Худуд ал-'алам» в форме *آسنا асана* (собственно, в тексте *آسنا*; предполагается *lapsus calami*)¹⁶⁸. Не менее вероятной формой этнонима нам представляется имя одного из тюркских полководцев халифа Мутасима, Ашнас ат-Турки¹⁶⁹. Однако для объяснения этимологии слова ашина эти сближения вряд ли имеют значение; они лишь подтверждают уже установленную близость китайской транскрипции слова к его возможному произношению в древнетюркском языке¹⁷⁰.

Особый интерес вызывают обстоятельства, при которых возникло имя ашина. Тюркская генеалогическая традиция свидетельствует, что ашина было родовым именем матери основателя племени. В то же время другой вариант этой традиции указывает на местное, восточнотуркестанское происхождение вождя племени ашина по материнской линии. Как уже отметил С. В. Киселев, указание на наследование имени по роду матери заслуживает «особого доверия»¹⁷¹. Но именно это указание заставляет искать исходную форму имени ашина не в тюркских языках, а в иранских и «тохарских» диалектах Восточного Туркестана. В качестве одного из гипотетических прототипов имени можно выделить сакское *āṣāna* «достойный, благородный», отраженное в агнийском *āṣām*, кучанском *aṣām*¹⁷², но окончательное решение вопроса, видимо, еще преждевременно.

Круг иранских, тохарских и индийских заимствований даже в языке рунических надписей с их сравнительно небольшим словарем отнюдь не ограничивается приведенными примерами, но другие заимствования не могут быть датированы столь же точно доалтайским периодом жизни племени ашина. Следует все же упомянуть, что, как установил Г. Шедер, наименование китайцев в древнетюркских надписях — *tabγač*, несомненно восходящее ко времени ранее VI в., заимствовано тюрками через посредство согдийцев и в согдийском языковом оформлении¹⁷³.

Иной путь проделало название Восточно-римской империи в китайском языке — Фулинь, известное китайцам уже в 550 г. Оно восходит к парфянскому и согдийскому **Frōm*, но заимство-

¹⁶⁷ Зуев, «Тамги лошадей», стр. 121—124; ср., однако, реконструкцию этнонима усунь В. Хеннингом и Г. Халуном (Haloun, *Zur Ue-tsi-Frage*, S. 252, 314; Henning, *Argi and the «Tokharians»*, p. 563).

¹⁶⁸ Togan, *Ibn Fadlan's Reisebericht*, S. 270, 274; ср.: Minorsky, *Hudūd al-'Ālam*, p. 162.

¹⁶⁹ Ат-Табари, III, 1236; ал-Мас'уди, VII, 122, 133, 135.

¹⁷⁰ Синологической консультацией мы обязаны С. Е. Яхонтову.

¹⁷¹ Киселев, *Древняя история Южной Сибири*.

¹⁷² Bailey, *Taugara*, p. 914; *Six Indo-Iranian notes*, p. 57.

¹⁷³ Schaeder, *Iranica*, S. 45.

вано через тюркское *Bitig*, ср. манихейско-согдийское *Bṛwṃ'uk*¹⁷⁴. Приведенные факты позволяют утверждать, что задолго до завоевания Средней Азии тюрками существовали тесные контакты между ними и индоевропейским населением Восточного Туркестана, в том числе и согдийцами, контакты, более непосредственные в тот период, чем тюрко-китайские связи. Недаром первым послом китайского двора, прибывшим в 545 г. в ставку Бумыня, был согдиец из Ганьсу, Аньнопанто¹⁷⁵, и, хотя тюркское название письма — *bitig* — имеет китайскую этимологию¹⁷⁶, само письмо было заимствовано у согдийцев.

Если в эпоху, предшествующую концу I тысячелетия до н. э. — началу I тысячелетия н. э., Восточный Туркестан и северо-западная часть Ганьсу (Хэси), судя по имеющимся сейчас материалам, были областью индоевропейского этногенеза, то в первой половине I тысячелетия н. э. эта область становится также одним из центров тюркского этногенеза. Этно-культурное влияние Китая осуществлялось лишь в русле военно-колониационной деятельности, с учетом постоянно меняющейся политической структуры края, и не оказало значительного воздействия на ход индоевропейского (иранского) и тюркского этногенеза. Масштабы и характер происходивших здесь явлений в течение значительного исторического периода определялись в основном общим ходом исторического процесса в Средней и Центральной Азии.

Таким образом, в настоящее время возможно выделить два основных этапа ранней истории племени тюрк (ашина): ганьсуйско-гаочанский и алтайский. Представляется достаточно оправданным отказ от традиционной реконструкции ранней исто-

¹⁷⁴ Schaeder, *Iranica*, S. 43; Henning, *Sogdica*, pp. 8—9. Вероятно, к V—VI вв. относится заимствование в язык племени тюрк обыденной «тохарской» лексики, как, например, *tūmen* «десять тысяч» < кучан. *tumane* (Clau-son, *Turkish elements*, pp. 307, 310). Не позднее VI в. вошли в обиход среди тюрков и титулы: а) *baṭatur* иранская этимология предложена Кирсте и Бангом (KSz, Bd XVII, 1917, S. 119—120) и заново обоснована В. Хеннингом (apud Menges, *Altaic elements*, p. 94; ср.: Altheim, *Geschichte der Hunnen*, Bd I, S. 47—48); б) *yšbara*, кит. шаболо (шаболио) (Pelliot, *Neuf notes*, p. 211), среднеперс. *špāgā* (Maḥrṇāmag, 14. 39) 'ašpāgā (Müller, *Hofstaat*, S. 210—213). В энциклопедии Тундянь (810 г.) это слово передано иероглифом со значением «геройский» (Pelliot, *Neuf notes*, p. 211, Gabain, *Alttürkische Grammatik. Nachtrag zum Glossar*). Критику взглядов Ф. Хирта и И. А. Ключкина, предложивших рассматривать *yšbara* как этноним, см. в работе М. Кепрелю (Köprülü, *Alttürkischen Titulatur*, S. 341—342). Иранская этимология, предложенная Г. Юнкером (Junger, *Iranica*, S. 878) получила известное признание, но предпочтительнее указание П. Аалто на происхождение дрезнетюрк. *yšbara* < санскр. *usvara* «князь, господин», зарегистрированное также в обоих «тохарских» диалектах Восточного Туркестана (Aalto, *Zu den Pferdnamen der Orchon-Inschriften*, S. 129).

¹⁷⁵ Liu Mau-tsai, I, S. 6; II, S. 490—491.

¹⁷⁶ Gabain, *Alttürkische Grammatik*, S. 303; Çagatay, *Zur Wortgeschichte*, S. 79.

рии племени, согласно которой все события, имевшие место до образования Тюркского каганата, связаны только с территорией Алтая и Южной Сибири, а специфические особенности социальной организации и культурные традиции тюркского общества не выходили за пределы норм и представлений, носивших строго региональный характер. Эта гипотеза построена на вероятном толковании лишь одного из вариантов тюркской легенды и вследствие этого имеет недостаточное обоснование. Не отрицая возможности связи племени ашина с Алтаем и Сибирью до момента миграции в район к югу от Великой стены, мы должны отметить, что лишь после 460 г. в предгорьях Южного Алтая складывается та группировка племен, возглавленная вождями ашина — Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем (460—553 гг.), — которая в 551—555 гг. нанесла сокрушительный удар Жуань-жуаньскому каганату.

**Согдийцы
в каганате**

Первые известия о согдийцах при дворе тюркских каганов в Монголии относятся ко времени правления Дулань-кагана (588—599)¹⁷⁷.

В год вступления кагана на престол в Китае была уничтожена династия Чэнь и страна окончательно объединена под властью дома Суй. Уцелевшие члены свергнутой династии и их приближенные еще пытались взять реванш. Один из чэньских вельмож, Ян Цинь, бежал в тюркскую ставку (593 г.), где вместе с другими китайскими эмигрантами рассчитывал воспользоваться покровительством жены кагана, чэньской принцессы Да-и, и добиться осуществления своих планов. Расчеты Ян Циня оправдались — принцесса приняла участие в его деле, но склонить кагана к активной помощи заговорщикам она поручила своему фавориту, согдийцу Ань Суй-цзя, одному из приближенных Дуланя. Суйский посол Чжан-сунь Шэн сумел предотвратить неблагоприятное для новой династии развитие событий. Он потребовал выдачи Ян Циня. Каган ответил, что не знает такого человека. Подкупив охрану Ян Циня, Чжан-сунь Шэн схватил главу заговора и представил его кагану; одновременно он обвинил китайскую жену Дуланя в неверности. Ань Суй-цзя и чэньские вельможи были выданы послу и отправлены в Китай, а принцесса Да-и вскоре убита¹⁷⁸.

Последующие события, относящиеся ко времени правления Шиби-кагана (609—619), показали, что высокое положение согдийца в каганской ставке и занятая им политическая позиция не случайны. При Шиби наметился подъем политического могущества Восточнотюркского каганата. Пытаясь предотвратить усиление опасного северного соседа, суйский двор прибег к хорошо проверенной в предшествующие годы тактике подкупа.

¹⁷⁷ Pulleyblank, *Sogdian colony*, p. 318.

¹⁷⁸ Liu Mau-tsai, I, S. 102—103.

и противопоставления друг другу членов каганского рода. Младший брат Шиби, Чжиги-шад неожиданно для себя получил из Чанани почетный титул «южного кагана» и предложение стать зятем императора. Чжиги отказался и сообщил обо всем брату. Шиби-каган по достоинству оценил китайский план и ждал лишь удобного случая, чтобы отомстить¹⁷⁹. Но, прежде чем такой случай представился, китайская дипломатия нанесла Шиби еще один удар.

Центральной фигурой во внешней политике Китая стал в 607 г. Пэй Цзюй, осуществивший в 593 г. план окончательного устранения принцессы Да-и¹⁸⁰. Пэй Цзюй, тогда наместник Западного края, спровоцировал войну между теле и тугухунями и распространил китайский протекторат на весь Восточный Туркестан. Здесь он делал все от него зависящее для поощрения согдийской торговли, но именно согдийцы оказались его опаснейшими политическими противниками в Монголии¹⁸¹. После неудачи с Чжиги-шадом Пэй Цзюй обратился к императору со следующим донесением: «Тюрки сами по себе простодушны и недалновидны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много ху (согдийцев), которые хитры и коварны; они научают и направляют (тюрков)! Как я слышал, особенно много коварных планов у (согдийца) Шишухуси, и он пользуется расположением Шиби-кагана. Я прошу дозволения погубить его хитростью»¹⁸². Император одобрил замысел Пэй Цзюя. К Шишухуси был послан лазутчик, сообщивший ему о готовящейся в крепости Ма-и (Шаньси) распродаже ценных вещей из императорской казны: «Кто первый придет, тому достанутся лучшие товары!» Пэй Цзюй не ошибся — бросив все дела, даже не испросив разрешения кагана, Шишухуси со всеми своими многочисленными сородичами кинулся в Ма-и. Там его ждала засада и казнь. Пэй Цзюй сообщил кагану о мнимой измене Шишухуси, но Шиби хорошо знал своего советника и хорошо знал Пэй Цзюя¹⁸³.

Возможность отомстить представилась летом 615 г., когда император Ян-ди совершал инспекционную поездку по северным провинциям. Шиби с большим конным отрядом перешел границу и занялся увлекательной охотой на суйского государя. Лишь измена в тюркской ставке спасла Ян-ди; он успел укрыться в крепости Яймынь. Шиби осадил крепость, и отчаявшийся император уже ждал конца, когда подошедшие войска и угроза нападения теле вынудили кагана покинуть империю¹⁸⁴.

¹⁷⁹ Ibid., S. 85—87.

¹⁸⁰ Franke, *Geschichte*, Bd II, S. 332; Liu Mau-tsai, I, S. 85.

¹⁸¹ Jäger, *Leben und Werk des P'ei K'ü*, S. 81—115, 216—231.

¹⁸² Liu Mau-tsai, I, S. 87—88.

¹⁸³ Franke, *Geschichte*, Bd II, S. 337.

¹⁸⁴ Ibid.

Если во времена Шиби отмечается многочисленность и влиятельное положение согдийцев среди восточных тюрков, то при последнем кагане первого Восточнотюркского каганата Хели (620—630) их влияние еще более возросло. Внешнеполитическая обстановка была исключительно благоприятна для Хели в начале его царствования. В 618 г., после опустошивших страну внутренних войн, в Китае воцарилась династия Тан. Новые правители империи прилагали все силы для укрепления своей власти в государстве и восстановления разрушенного хозяйства. Хели-каган, «полагаясь на стяжание, собранное отцом и старшим его братом, имея многочисленную и отличную конницу... возносился гордостью. Стоя на ступень выше всех кочевых народов, он с презрением смотрел на Срединное государство, дерзко изъяснялся и на письме и на словах; производил большие требования. Император в то время занят был восстановлением порядка в империи, почему должен был унижаться пред ханом и делать большие пожертвования; но несмотря на большие дары и награды, хан еще был недоволен и предъявил неограниченные требования»¹⁸⁵.

В течение 620—629 гг. Хели и его военачальники организовали 67 нападений на различные районы Северного Китая¹⁸⁶. В сентябре 626 г. каган во главе 100-тысячной армии появился под стенами Чанани. Лишь мужество и находчивость императора Тайцзуна¹⁸⁷ — крупнейшего политического деятеля и полководца средневекового Китая — спасли столицу. Хели заключил мир и покинул империю¹⁸⁸. Но уже в следующем году наступил перелом в соотношении сил. Подъем хозяйства страны и реорганизованная армия позволили Тайцзуну начать подготовку к войне с тюрками на их собственной территории. В то же время каганат испытывал серьезные лишения — джуты 627—629 гг. привели к падежу скота и голоду¹⁸⁹. Хозяйственные трудности дали толчок к обострению социальных и внутривнутриполитических противоречий. Начались восстания и переход на сторону империи подчиненных кагану племени, прежде всего телеских (огузских). Но самым страшным для Хели оказалась потеря поддержки собственного народа.

Давно минули времена, когда все племя тюрк, стоявшее на высшей ступени варварства, видело в грабительских походах нормальный и доходный промысел. Восемидесятилетний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям общества. Абсолютная

¹⁸⁵ Бичурин, *Собрание сведений*, т. I, стр. 247.

¹⁸⁶ Liu Mau-tsai, I, S. 434—437.

¹⁸⁷ Fitzgerald, *Son of Heaven. A biography of Li Shih-min*.

¹⁸⁸ Liu Mau-tsai, I, S. 190—192.

¹⁸⁹ Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия*, т. II, стр. 246.

власть военного вождя племени переросла в деспотическую власть кагана — правителя государства. Каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роду и племени. Война стала выгодной только для правящего класса каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства, часть продукции которого обменивалась на продукты земледелия и ремесла. Иногда Хели, считаясь с насущными нуждами своих подданных, прекращал на время грабеж и обращался к императору с просьбой разрешить меновой торг¹⁹⁰. Однако такие события были исключением, постоянной была лишь война. Между тем рядовые кочевники были заинтересованы не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле.

Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромной армии кагана, постоянного ремонта конного состава и многих других затрат. В результате Хели, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственного народа. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута¹⁹¹. Противоречие между народными массами и правящей верхушкой каганата ярко выразилось в изменении управления. Хели, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным социально более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, представители которых были в какой-то степени связаны родо-племенными традициями, Хели заместил должностных лиц, занимавших ключевые посты гражданского управления, китайцами и согдийцами. Наибольшим доверием пользовались согдийцы, так как лояльность китайцев в условиях войны с империей не всегда могла быть гарантирована.

В глазах народа обострение социального неравенства и классового угнетения было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки согдийцев. Недовольство угнетенных и обездоленных проявлялось в ненависти к чужеземцам, на которых опирался каган. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников. Так, в докладе трону, датированном 629 г., правитель Дайчжоу Чжан Гун-цзинь в числе важнейших причин неизбежного поражения Хели отмечает следующие: «Хели отдалился от своих тюрков и дове-

¹⁹⁰ Liu Mau-tsai, I, S. 194, 188—189.

¹⁹¹ Повинности, исполняемые тюрками в пользу государства, отмечены уже Чжоу шу, сведения относятся к первому тридцатилетию существования каганата (Бичурин, *Собрание сведений*, т. I, стр. 229; ср.: Liu Mau-tsai, I, S. 9).

рился ху (согдийцам); однако эти согдийцы ненадежны. Когда мы пошлем большую армию, они предадут его... Очень много китайцев бежало на север (к тюркам). Теперь, как я слышал, они собрались и укрепились в естественных укрытиях в горах. Когда императорская армия перейдет границу, она получит поддержку (этих китайцев)»¹⁹².

Материал, содержащийся в подобных мемориалах, был резюмирован в Тун дянью, законченном в 801 г., а затем — в обоих Тан шу. Ввиду исключительной важности сообщаемых сведений как для понимания социальной и политической обстановки в каганате, так и для оценки роли согдийцев в происходивших событиях приведем обе версии.

Версия Тун дянью (цз. 197) совпадает с версией Цзю Тан шу: «Хели постоянно действовал так, как это было выгодно ху (согдийцам), и пренебрегал людьми своего собственного племени. Ху были корыстолюбивы, надменны и ненадежны. Вследствие этого число законов и предписаний умножилось, войны стали ежегодными, а потому люди его страны терпели трудности и лишения. Многие племена отказали в повиновении. К тому же годы оказались столь неблагоприятными, что число скота сократилось и в стране наступил великий голод. Так как Хели не смог покрыть своих расходов, он обложил племена высокими налогами. Из-за этого жизнь его подданных стала невыносимой, и вскоре они взбунтовались» (цз. 194 А)¹⁹³.

Версия Синь Тан шу (цз. 215 А): «Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хели имел при себе одного китайского ученого, Чжао Дэ-яня. Он уважал его ради его талантов и питал к нему полное доверие, так что Чжао Дэ-янь стал мало-помалу управлять государственными делами. Кроме того, Хели доверил правление ху (согдийцам), удалил от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход и нападал на китайские области, так что его народ не смог более переносить эти тяготы. Ху (согдийцы) были корыстолюбивы и беспощадны, но часто изменчивы и ненадежны, так что предписания и приказы постоянно изменялись. Год за годом (в стране) был великий голод. Налоги и сборы стали невыносимо тяжелыми, и племена все более отвращались от (Хели)»¹⁹⁴.

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. императорская армия, которой командовал президент Военной палаты Ли Цзин, разгромила Хели в Шаньси. Все девять огузских племен перешли на сторону империи. Племянник Хели — Тули и

¹⁹² Liu Mau-tsai, I, S. 324—325 (биография Чжан Гун-цзиня, Цзю Тан шу, цз. 68).

¹⁹³ Liu Mau-tsai, I, S. 142—143; ср.: Pulleyblank, *Sogdian colony*, p. 323.

¹⁹⁴ Liu Mau-tsai, I, S. 194.

несколько его ближайших родственников и военачальников бежали в Китай¹⁹⁵. Ли Цзин продолжал преследование Хели. В начале 630 г. он подослал к главе согдийцев в каганате, «великому вождю» Кан Су-ми своего лазутчика, чтобы побудить того сдать¹⁹⁶. Предвидение Чжан Гун-цзиня оправдалось — в тяжелый момент Кан Су-ми предал Хели и, захватив, чтобы выдать Ли Цзину, членов императорского дома Суй, нашедших убежище в каганате, прибыл со всеми своими соплеменниками в лагерь императорской армии¹⁹⁷. Вместе с самаркандцем Кан Су-ми пришел сдаваться и другой фаворит Хели — бухарец Ань Ту-хань, который привел с собой 5 тыс. соплеменников; его семья переселилась в каганат из Кучи задолго до описываемых событий — еще отец Ань Ту-ханя, Ань У-хуань служил тюркским каганам и носил титул «сылифа» (эльтебер)¹⁹⁸.

Зимой 630 г. Ли Цзин покончил с Хели. Схваченный во время бегства, каган был доставлен в императорский дворец. Тайцзун, упрекая поверженного врага в свершенных им преступлениях против Китая, не забыл поставить ему на вид и преступления против собственного племени: «Надеясь на свою силу, ты не прекращал войны и тем возбудил ропот в своем народе!»¹⁹⁹. Пожалованный чином генерала императорской гвардии, Хели не мог забыть прошлое — «он долго был задумчив и печален; пел со своими домашними заунывные песни и проливал слезы». В 634 г. каган умер; труп его, по тюркскому обычаю, сожгли, а над могилой на берегу р. Ба насыпали курган²⁰⁰. Так завершилась история первого Тюркского каганата.

**Начало
ордосских
колоний**

Число согдийцев, сдавшихся Ли Цзину в 630 г., оказалось очень значительным. Китайский историограф рассматривает их как одно из племен каганата («племя ху»). Вероятно, Хели или его предшественники закрепили за ними определенную территорию в Монголии, где были созданы поселения; по крайней мере, среди племен, земли которых входили в

¹⁹⁵ Ibid.

¹⁹⁶ Liu Mau-tsai, I, S. 285 (биография Ли Цзина, Цзю Тан шу, цз. 67). 397—398. В. Хеннинг (apud Pulleyblank, *Sogdian colony*, p. 324) восстанавливает имя Су-ми как * Sumit <среднеиндийск. Sumitta, санскр. Sumitra. Титул «великий вождь» (в переводе Н. Я. Бичурина — «главный старейшина», в переводе Л. Джайлса — «великий нотабль») хорошо известен по истории Самарканда; так, в конце VII в. «главный старейшина Дусоботи получил титул «владельца» (Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 311). В число функций старейшич входили выборы или утверждение владельца Согда (там же); очевидно, старейшины были членами своего рода сената — высшего аристократического совета Самарканда. Титул «великий вождь» носил и выходец из Самарканда, основатель согдийских колоний Лобнора, Кан Янь-тянь.

¹⁹⁷ Liu Mau-tsai, I, S. 143, 196.

¹⁹⁸ Pulleyblank, *Sogdian colony*, p. 324.

¹⁹⁹ Liu Mau-tsai, I, S. 143—144, 195—196.

²⁰⁰ Бичурин, *Собрание сведений*, т. I, стр. 255—256.

удел племянника Хели — Тули-кагана, упомянуты и согдийцы²⁰¹.

После 630 г. согдийцы были поселены в Ордосе²⁰². Кан Су-ми, за которым Ли Цзин признал право главенства над сдавшимися ху, стал правителем области Бэй-ань, Ань Ту-хань — префектом округа Вейчжоу; впоследствии внук Ань Ту-ханя, Ань Сы-гун, сохранил должность префекта одного из «шести округов ху». Поначалу китайские власти рассматривали сдавшихся согдийцев и тюрков как части одного народа. Когда в 639 г. Тайцзун сделал попытку восстановить вассальное тюркское государство между Гоби и Желтой рекой под главенством Ашина Сымо, он пожаловал тому титул кагана над «туцзюе и ху». Однако попытка оказалась неудачной, и в 644 г. Сымо, покинув своих разбегавшихся подданных, вернулся в Чанань²⁰³.

Постепенно согдийцы настолько освоили новые земли, что в 679 г. бывшие подданные и приближенные Хели-кагана отказались присоединиться к его восставшим наследникам. Китайская администрация высоко оценила поведение согдийцев в трудный момент, и в том же году районы их поселения были преобразованы в «шесть округов ху». В опасные для империи годы, когда Капаган опустошал северные провинции Китая, лояльность согдийцев стала важным фактором в обороне границы. Дважды — в 697 и в 702 гг. — они приняли на себя удары тюркской армии. Если в первом случае Ань Дао-май успешно отразил нападение, то разгром 702 г. был пережит чрезвычайно тяжело. Потери в людях оказались столь велики, что в 703 г. оставшихся в живых едва хватило для создания двух округов. Часть согдийцев, и среди них — старший сын Ань Дао-мая, Ань Сяо-цзи, были уведены в степь²⁰⁴. Оставшиеся в Ордосе пользовались полным доверием танского двора. Многие согдийцы заняли командные посты в китайской армии.

К сожалению, чрезвычайно трудно проследить судьбу согдийцев в возрожденном каганате. Китайские источники сохранили отрывочные и не всегда ясные сведения лишь о семьях Ань Лу-шаня, поставившего в 755 г. Танскую империю на край гибели, и Кан А-и Кюль-таркана, видного тюркского вельможи, согдийца по происхождению.

²⁰¹ Pulleyblank, *Sogdian colony*, pp. 323—324.

²⁰² Сведения о первом поселении согдийцев в Линчжоу, на границе с Ордосом, содержатся в танской географии Юань хэ цзюнь сянь тучжи (Шанхай, 1935, цз. 4, стр. 94), составленной Ли Цзи-фу в начале IX в.: «(Уезд Лин-у) ведет начало от территории ханьского уезда Фу ин. Когда при Хоу-Вэй разбили Хэлянь-чана (439 г.), то захватили семьи ху и поселили их здесь. Поэтому дали наименование (этому поселению) Худичэн («город земли ху»)». Указанием на это сообщение и его переводом мы обязаны Е. И. Кычанову.

²⁰³ Pulleyblank, *Sogdian colony*, pp. 324—325.

²⁰⁴ Ibid., p. 331.

Дед Ань Лу-шаня — Ань И-янь со своими сыновьями Ань Янь-янем²⁰⁵ и Ань Бо-цзюем переселился или был насильно переселен в каганат в конце VII в. из Лючена (Инчжоу)²⁰⁶; возможно, его появление в каганате связано с киданьским походом Капагана. Не исключено, что в Инчжоу, на границе с киданями, существовала в это время согдийская колония; в 717 г., когда там ликвидировались последствия разгрома, учиненного Ли Цзинь-чжуном, согдийским купцам выделили место для поселения²⁰⁷. Сын Ань И-яня — Ань Янь-янь стал одним из военачальников тюркской армии и женился на девушке из аристократического рода Ашидэ; в 703 г. у них родился мальчик, названный согдийским именем Рохшан; китайские летописцы писали это имя Лу-шань²⁰⁸. В начале лет Кайюань (после 713 г.) Ань Лу-шань вместе со своим дядей Ань Бо-цзюем, двумя его сыновьями и сыном Ань Дао-мая — Ань Сяо-цзи бежит в Китай. Весьма вероятно, что это бегство было следствием репрессий, которые обрушил в 716 г. Кюль-тегин на приближенных Капаган-кагана. По предположению Пуллиблэнк, тогда погиб и отец Ань Лу-шаня. В Китае беглецов радушно встретил второй сын Ань Дао-мая — Ань Чэнь-цзи, вице-префект Ланьчжоу²⁰⁹. В дальнейшем Ань Бо-цзюй, его сыновья и Ань Лу-шань, быстро продвигаясь по служебной лестнице, достигли высокого положения в империи.

В 742 г., накануне полной ликвидации Восточнотюркского каганата, среди сдавшихся китайской армии тюркских вождей назван Кан А-и Кюль-таркан, согдиец из рода, служившего еще Хели-кагану. Дед Кан А-и — Кан Янь был зятем одного из тюркских каганов, а отец служил Капагану и носил титул эльтебера; возможно, с этим титулом, который носили обычно племенные вожди, здесь связано главенство над согдийской колонией в каганате²¹⁰. Сам Кан А-и, родившийся в 690 г., уже в 712 г. занимал пост советника Капаган-кагана, что скорее всего следует отнести за счет положения его отца. Жена Кан А-и, согдиянка из фамилии Ши, принадлежала к семье, переселившейся в конце VII в. во Внутренний Китай из согдийской колонии под Турфаном; ее дед и отец занимали командные посты в императорской армии. Как полагает Пуллиблэнк, в

²⁰⁵ В. Хеннинг восстанавливает согдийские основы имен, транскрибированных как И-янь и Янь-янь: первое соответствует имени Йазден, второе — Йанен (apud Pulleyblank, *Sogdian colony*, p. 333).

²⁰⁶ Pulleyblank, *Background*, pp. 7, 105.

²⁰⁷ Ibid., pp. 80, 134.

²⁰⁸ Согдийское *roχšan* — (*rω χšn* — «свет», «ясность», «сияние») восстановлено В. Хеннингом (apud Pulleyblank, *Background*, p. 15).

²⁰⁹ Pulleyblank, *Background*, p. 19; ср. также: Levy, *Biography of Añ Lu-shan*, pp. 31—32.

²¹⁰ О титуле *ältäbir* (*iltäbir*) см.: Hamilton, *Ouighours*, pp. 97—98.

716 г. Кан А-и бежал в империю, но потом вновь вернулся в Отюкен²¹¹.

Эти немногие известные сейчас факты подтверждают, что при Капаган-кагане и его преемниках согдийцы занимали видное положение в каганате, хотя вряд ли пользовались тем влиянием, какое имели при Хели. Тогда, в начале VII в., согдийцев неудержимо влекла в каганат исключительно благоприятная обстановка. Они успешно сбывали там свои товары, скупали обычные продукты скотоводческого хозяйства и охоты — шкуры, кожи, меха, которые после обработки в западных областях Китая издавна экспортировались в города Средней Азии²¹². Но не меньше, чем шкуры и меха, согдийцев привлекала возможность дешево скупать ценности, награбленные в Китае. Этим объясняется охарактеризованная Пэй Цзюем позиция влиятельных согдийских советников из окружения каганов.

После стабилизации обстановки во втором Восточнотюркском каганате, не ранее конца VII в., какая-то часть согдийцев вновь появилась в Отюкенской черни. Кан А-и покинул Отюкен, когда каганат был в агонии, но согдийская колония там уцелела. При уйгурах положение согдийцев было едва ли хуже, чем при Хели. Через двадцать лет после бегства Кан А-и новые властелины центральноазиатских степей — уйгурские каганы — приняли манихейство; на их стелах высекались согдийские надписи, а на берегах Селенги согдийцы основали свой новый город — Байбалык.

Страна Аргу

Таты тюргешей Обращаясь к бегам и народу, Бильге-каган называет тех, для кого запечатлены на «вечном камне» его слова: *köñültäki sabutun on oq oꞗluḡa tatyḡa tägi bu-pu köñü bilij* «сердечную речь мою вы (все), до сыновей десяти стрел и их татов, глядя на этот (памятник), ведайте!» (КТм, 12; БК, Хв15). Лишь в 1916 г. В. Томсен впервые разъяснил слова *on oq* и *tat*. «Десятистрельный народ» (*on oq budun* — КТм, 19; Тон., 19, 30) — «тюрки Западного каганата», а таты — их «подданные иностранного происхождения», «метеки». Основываясь на косвенных данных, Томсен отметил не только социальную, но и этническую семантику слова «*tat*»²¹³.

²¹¹ Pulleyblank, *Sogdian colony*, pp. 339—340.

²¹² Васильев, *Связи ханьского Китая*, стр. 47.

²¹³ Thomsen, *Turcica*, pp. 103—104, Сводная работа об этом слове: Minog-sky, *Tat*, pp. 733—736. О социальной семантике термина см.: Бернштам, *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков*, стр. 125; Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 265. О значении слова в позднесредневековых тюркских памятниках см.: Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази*, стр. 96—97.

Окончательное подтверждение предположение Томсена находит в материалах древнейшего свода тюркской лексики — словаря Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк» (XI в.). Махмуд Кашгарский четко определяет значение слова «тат» в известных ему тюркских языках: «Тат — у всех тюрков это каждый, кто говорит на иранском языке»²¹⁴. Далее Махмуд Кашгарский отмечает, что этим словом стали называть уйгуров и китайцев («тат-тавгадж»), «подобно тому как его употребляют в отношении иранцев. Такое употребление этого слова неверно»²¹⁵. Превращение слова «тат» в термин, обозначающий все оседлое население Средней Азии и Восточного Туркестана, — явление, как очевидно, новое во времена Махмуда Кашгарского. Этническое содержание термина для него еще вполне определено. Вместе с тем Махмуд Кашгарский цитирует тюркские пословицы, указывающие на зависимое положение татов, на их подчинение тюркским сюзеренам²¹⁶.

Кошо-цайдамские памятники прямо указывают на зависимость «татов» от «сыновей десяти стрел». В начале VIII в. западные тюрки (тюргеши) владели территорией от долины Таласа до Алтая — Семиречьем и Джунгарией. «Татами» здесь могли быть названы только ираноязычные поселенцы-согдийцы.

Города
Семиречья

В 1893—1926 гг. Бартольд, опираясь на отрывочные сообщения Сюань Цзана, «Худуд ал-'алам» и словаря Махмуда Кашгарского, сформулировал гипотезу о согдийской колонизации Семиречья²¹⁷. В 1936—1941 гг. работами Семиреченской археологической экспедиции, руководимой Бернштамом, в долинах Таласа, Чу и Или были открыты древние поселения и города, созданные согдийцами²¹⁸. Археологические исследования послевоенных лет позволили определить время существования согдийских поселений, наметить основные периоды их развития²¹⁹.

По уточненной периодизации, начальный этап согдийской колонизации Семиречья может быть отнесен к V—VI вв. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно в Чуйскую долину, приходится на VII—VIII вв.²²⁰; поселения этого вре-

²¹⁴ Махмуд Кашгарский, I, 454.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 16—18; *Очерк истории Семиречья*, стр. 17—25; *О языках согдийском и тохарском*, стр. 33—39.

²¹⁸ Бернштам, *Согдийская колонизация*, стр. 34—42; *Памятники старины*, стр. 25—42; *Археологический очерк*, стр. 55—86; *Чуйская долина*, стр. 5—83.

²¹⁹ Кызласов, *Работы Чуйского отряда*, стр. 88—96; *Остатки замка*, стр. 152—181; Кожемяко, *Раннесредневековые города*; Зяблин, *Второй буддийский храм*.

²²⁰ Распопова, *Гончарные изделия согдийцев*, стр. 138—163. В этой статье дана полная библиография по истории изучения согдийских поселений Семиречья.